

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

МЕЖДУ ДВУМЯ
МИРАМИ

Том I: Цена выбора

Юрий Верхолин

Между двумя мирами.

Том I: Цель выбора

<https://litres.ru/73019007>

SelfPub; 2026

Аннотация

<p>Они встретились в мире, где любовь не считается аргументом, а человеческая жизнь лишь элемент системы.</p><p>Артём иностранец, привыкший думать логикой и искать уязвимости в любых структурах.</p><p>Дивья девушка из влиятельной индийской семьи, чья судьба давно расписана чужими руками.</p><p>Их связь возникает вопреки правилам, культурным границам и социальному давлению. Но чем сильнее чувство, тем очевиднее становится цена каждого решения. Здесь нельзя просто уйти. Нельзя просто остаться. И нельзя ошибиться без последствий.</p><p>Цена выбора это история о взрослении, первой ответственности и моменте, когда человек впервые понимает: выбор это не свобода, а точка невозврата.</p>

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Возвращение	27
Глава 2. Дом, который душит	66
Глава 3. Точка невозврата	110
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Юрий Верхолин

Между двумя мирами.

Том I: Цель выбора

Пролог

Рис 1. Создано Ю. Верхолиным с использованием OpenAI ChatGPT (коммерческая лицензия).

Жара ударила не в лицо – в мысли.

До того как дверь самолёта раскрылась, Артём представ-

лял Индию как цветную открытку из учебника: слоны, храмы, женщины в сари, улыбки и специи. Когда он ступил на трап, открытка сгорела за одну секунду.

Воздух был густым. Не просто тёплым – вязким, как пар над кипящей кастрюлей. Он попробовал вдохнуть – и словно проглотил горячую воду с дымом. Рубашка с маленьким гербом России на кармане моментально прилипла к спине. Очки тут же запотели; он снял их, протёр, надел обратно – толку ноль, только мир стал размазанным, как акварель.

Асфальт внизу дрожал. Не от жара только – от звука. Гул двигателей, резкие гудки, рваный лай клаксонов из-за забора, визг тормозов, крики, смех, чей-то визгливый смех, от которого захотелось зажать уши. Всё сразу. Всем телом.

Не зевай, – спокойно сказал отец рядом.

Он уже был в режиме «службы»: строгий костюм, галстук, лицо собранное. Не тот человек, который вчера ночью подсовывал Артёму таблетку от укачивания и говорил шуткой: «Ну вот, ты и попал в тропики. Будем жариться за Родину». Сейчас в голосе не было шутки. Только инструкция.

Здесь быстро теряются, – добавил он, даже не глядя на сына.

Мать шла с другой стороны, в светлом брючном костюме, уже держа в руках кожаную папку. Она листала какие-то бумаги на ходу, как будто вокруг был не аэропорт нового города, а коридор родного министерства.

Город заметил всех троих.

В зале прилёта воздух не стал легче. Просто сменились запахи. Вместо керосина – пот, цветы, жареное тесто, какие-то сладкие палочки на масле, приторные духи, влажный бетон, человеческая речь, растянутая на все возможные интонации. Гул стоял такой, что казалось – у города одно огромное горло, и оно не умеет молчать.

Артём растерянно огляделся. Таблички на английском, на странном языке с завитушками, люди – все будто одного цвета: коричневые, чёрные, золотистые. И он белый, как бракованный лист бумаги посреди стопки.

Сюда, – сказал отец, легко проталкиваясь через толпу.

Их ждал водитель. Невысокий, сухощавый, с чёрными глазами и такими же чёрными усами. Белая рубашка, чёрные брюки, сандалии. Он держал в руках картонку с красной надписью: «RUSSIAN EMBASSY».

– Пракаш, – представил его отец. – Наш водитель. Делай, что он говорит, и не делай, чего он не говорит.

Пракаш сложил ладони у груди, чуть поклонился.

– Namaste, sir. Namaste, madam. – Перевёл взгляд на Артёма. – Namaste, young sir.

Слово "young" прозвучало почти как "маленький". Но в голосе не было снисхождения. Скорее осторожное любопытство.

На улице ударило солнце. Звук снаружи был не громче – гуще. Всё двигалось: машины, люди, коровы, рикши, тележки с горой зелени.

Машина была старой. Белый «Амбассадор» с круглой спиной и потрескавшейся кожей сидений. Когда дверь открыли, из салона вышел ещё один запах: тёплого пластика, старого дерева и специй.

На переднем сиденье лежал свёрток, завёрнутый в банановый лист и перевязанный бечёвкой.

– Обед, – сказал Пракаш, усаживаясь за руль. – Для посольства. Но можно делиться.

Он сорвал бечёвку, развернул лист. Внутри – белые мягкие кружочки, похожие на какие-то игрушечные подушки, и маленький стальной контейнер с белой густой массой с зелёными точками.

– Идли, – пояснил он. – Кокосовый чатни.

Он протянул один кружок назад. Мать отказалась лёгким движением головы. Отец даже не посмотрел. Артём взял. Тестяной диск был тёплый, влажный на ощупь.

– Ешь, – сказал Пракаш. – Желудок должен быть другом в чужой стране.

Артём откусил. Вкус ударил сразу всей компанией: мягкая кислинка, соль, неожиданная сладость и резкий, почти мыльный холод кокоса. Потом – острая точка, как иголка в язык.

Он закашлялся.

Пракаш посмотрел на него в зеркало и впервые улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Значит, договоритесь.

За окном тянулись улицы. Сначала – широкие, с пальмами и билбордами, потом всё теснее. Лавки, как раны в бетонных домах: кто-то продавал горы ярких тряпок, кто-то – только мятные листья и лаймы на развалившемся столе, кто-то жарил что-то в огромной сковороде, стоящей прямо на земле. Запахи собирались в слои. Отдельно – выхлопы. Отдельно – жареный лук. Отдельно – сладкий дым благовоний. Отдельно – мусор и сточная вода. Всё вместе – как удар в затылок.

Артём ткнулся лбом в стекло, пытаясь запомнить всё сразу. Ему казалось, что если он не запомнит, город обидится. И съест.

– Не прижимайся, – машинально сказала мать. – Окно грязное.

Он отлип, оставив на стекле потный след.

Посольство оказалось другим миром. За высоким забором с колючей проволокой всё было... правильно. Деревья подстрижены. Асфальт ровный. Флаг ровно висит. Пахло травой, знакомым табаком, канцелярией.

Когда за ними захлопнулась тяжёлая металлическая калитка, звук города словно отрезали ножом. Только далёкий гул остался фоном – как воспоминание о чужой песне, которую слышал в детстве и забыл слова.

Отец быстро провёл их по коридору, где пахло кондиционером и бумагой. На стене – портреты. На каждом портрете – чьи-то очень серьёзные глаза.

– Ты здесь не турист, – сказал он уже в их временной квартире, когда Пракаш ушёл и мать скрылась на кухне разбирать коробки. – И не просто ребёнок. Ты – часть миссии. Запомни это.

Он говорил ровно, без угрозы. Артём кивнул. Но внутри упрямо шевельнулась другая мысль: «А можно я буду частью себя? Хотя бы наполовину».

Он не сказал этого вслух. Здесь так не говорили.

В школу их отвезли уже на следующий день.

– "Академия Света", – прочитал Артём вычурную надпись на воротах.

Название больше напоминало что-то сектантское, чем учебное заведение. Ворота – высокие, с позолотой. За ними – газон такой зелени, что глаз резало. Кусты подстрижены под линейку. Здание в колониальном стиле: белые колонны, балконы, жалюзи. Только кондиционеры портили картинку – свисали серыми коробками как чужие органы.

Дети стояли группами. Дорогие рюкзаки, белоснежные рубашки, аккуратные косы. Вся палитра оттенков кожи от молочного кофе до настоящего чёрного. Одинаковые наручные часы, одинаковые улыбки, как будто им всем раздали один и тот же набор.

– Наш новый ученик, – сказал учитель, подтолкнув Артёма вперёд. – Из России.

Слова повисли. На пару секунд всё стихло. Даже вентилятор, казалось, остановился.

Кто-то хмыкнул, кто-то быстро переглянулся. Артём почувствовал, как уши наливаются жаром. Он стоял, как экспонат. «Белый». «Иностранец». «Тот, про кого дома говорят за столом, что у них там холодно и медведи».

Кто-то в заднем ряду шепнул: «White monkey». Кто-то прыснул.

Он сделал вдох, потом ещё один. Рубашка прилипла к спине, ладони вспотели. Он вдруг ужасно захотел снова оказаться в том самолёте, где был хоть какой-то привычный порядок: стюардессы, ремни, инструкции. Здесь инструкции кончились.

И тогда от пары девочек, стоявших чуть в стороне, отделилась одна.

Она шла, как взрослые женщины в кино, когда они знают, что на них смотрят: не быстрее, чем надо, не медленнее, чем удобно. Белые банты на чёрных волосах, идеально выглаженная форма, чёрные глаза, холодновато-спокойные. В одиннадцать лет у неё был взгляд человека, который уже знает цену и себе, и этому зелёному газону, и всем, кто на нём стоит.

– Это Дивья, – шепнул кто-то.

Имя отозвалось в воздухе, как брошенный в воду камешек.

Она остановилась перед ним. Посмотрела не на кожу, не на рубашку, не на чужую фамилию в списке – в глаза. Честно, внимательно, слишком взрослым взглядом.

– Твой народ пьёт водку за завтраком? – спросила она на

чистом английском. Без улыбки.

Артём моргнул. Это был не тот вопрос, которого он ожидал. Он ожидал чего угодно: про снег, про медведей, про Путин—Russia—Moscow. Но не этого.

– Нет, – хрипло сказал он, и голос предательски дрогнул. – Только за обедом.

На секунду на её лице что-то шевельнулось. Почти улыбка. Почти.

– Понятно, – сказала она. – Пойдём.

Она взяла его за локоть – не ласково, не по-дружески, а как человека, которого надо выдернуть из-под прожектора.

– Я покажу тебе, где тут реальная столовая, а не эта буржуазная помойка.

Она развернулась, и зелёный газон, белые колонны и шепотки вокруг словно сами собой расступились.

Столовая была огромной. Белые столы, металлические подносы, раздача с двумя линиями. На одной – «интернациональная кухня» для тех, чьи родители боялись за нежные желудки: курица-гриль, рис без вкуса, картофельное пюре, что-то, что пыталось быть пастой. На другой – вся Индия сразу: рис, подливки всех оттенков жёлтого и красного, обжаренные овощи, что-то хрустящее в масле, какие-то зелёные листья.

Артём привычно потянулся к «безопасной» линии. К курице, похожей на курицу. К пюре, похожему на пюре.

– Нет, – сказала Дивья и одним движением отодвинула его

поднос. – Ты сюда приехал не ради этого.

Она поставила свой стальной многоуровневый контейнер – тиффин – прямо на стол. Захлопнутая крышка звякнула.

– Это что? – не удержался он.

– Моя свобода, – бросила она. – То, что привозит мне бабушка, чтобы я не умерла от скуки и от еды для белых.

Лёгкими, привычными движениями она разобрала тиффин. В одном отделении – густой, тяжёлый от специй бисбеле бат: рис, смешанный с чечевицей и овощами, такой плотный, что ложка в нём стояла. В другом – раита: холодный йогуртовый соус с огурцом и мятой. В третьем – золотистые, чуть подгоревшие по краям пакоры – кусочки чего-то в хрустящем тесте.

Запах ударил по мозгу даже сильнее, чем вкус у вчерашней идли.

– Если умирать от нашей еды, – сказала она, раздавая содержимое тиффина, – то от настоящей. А не от этого пластика.

За соседним столом кто-то фыркнул:

– Её отец тебя закопает, – шепнул мальчишка в дорогих часах своему соседу, не отводя глаз от смартфона.

Артём слышал. Дивья тоже. Она даже не повернула головы.

– Мой отец умеет только одно, – бросила она сразу двум, и шепчущему, и воображаемому отцу, – считать деньги. Закопать – это слишком много физической работы.

Пакора была хрустящей снаружи и мягкой внутри. В бисбеле бат было всё – злой перец, копчёный намёк на что-то жареное, и сладковатый привкус моркови, и земляной запах чечевицы. Рот горел. Руки чуть дрожали. Но он почему-то чувствовал себя... живым.

– Ты странный, – сказала она, наблюдая, как он не сдаётся и доедает. – Большинство белых сдаются на второй ложке.

– У нас дома... – он замялся. – У нас дома тоже иногда так. Острый борщ.

Она фыркнула:

– Острый борщ – это как мягкий перец. Приятно, но не серьёзно.

Через несколько недель KR Market был всем, чем не была их школа. Там ничего не было ровным. Лавки лепились друг к другу, как если бы кто-то разлил краски и забыл стереть. Рыба, фрукты, специи, ткани, курицы в клетках, глаза – сотни глаз, смотрящих, считающих.

– Не смотри им в глаза, – сказала Дивья, цепко держась за его руку. – Иди за мной. Если потеряешься, тебя продадут на органы. Или просто пошьют из тебя чехол для барабана.

Он не сразу понял, шутит она или нет.

– Это шутка? – спросил он, когда они остановились у лотка с манго.

Продавец был толстым, с усами, как два знака вопроса.

– Конечно, – лениво сказала она. – В барабан ты слишком костлявый.

Она уже торговалась. На хинди, быстро, рублено. Мальчик, который вчера шептал «white monkey», стоял сзади и смотрел, как она торгуется. Но здесь, на рынке, его фамилия не значила почти ничего.

Продавец смеялся, но каждый раз, когда он смеялся, цифра в её сторону падала. В итоге он театрально всплеснул руками, сдался, бросил к ним в пакет ещё одно манго.

– Ты грабишь меня, маленькая мадемуазель, – сказал он.

– Ты живёшь, потому что я граблю тебя честно, – ответила она. – А не как твои клиенты сверху.

Они ели манго прямо там. Сок стекал по пальцам, по запястьям, по локтям. Артём старался есть аккуратно, но это было невозможно. Манго было слишком мягким, слишком сочным, слишком живым.

Дивья посмотрела на его измазанное лицо и расхохоталась.

– Всё твоё лицо – это катастрофа, – выдохнула она, держась за живот. – Настоящее экологическое бедствие.

Он попытался вытереться ладонью – стало только хуже.

– Не трогай, – сказала она, протягивая ему старый, выстиранный до полупрозрачности платок. – Научись принимать катастрофу как часть жизни.

В толпе кто-то толкнул его плечом. Не случайно. Он обернулся – мальчик, сын министра или депутата, тот самый, что шептал вчера: «white monkey».

– Смотри, – сказал он насмешливо. – Белый манго.

Он сказал это на английском, так, чтобы точно дошло.

Артём сделал вдох. Второй. В груди всё сжалось от унижения и злости. Он не успел ответить.

Дивья не говорила ничего. Она просто, проходя мимо, едва заметно выставила ногу. Совсем немного. Ровно настолько, чтобы хищник, уверенный в себе, поймал землю носом.

Мальчик полетел вперёд, задел чью-то корзину с овощами, приземлился в ящик с помидорами. Красные брызги разлетелись веером.

Рынок заржал. Продавцы, покупатели, дети – все. Смех был громкий, грубый. Мальчик вскочил, красный не только от помидоров, но и от ярости.

Он посмотрел на Дивью так, как отец смотрит на плохого бизнес-партнёра. Она ответила взглядом так, как будто он был пустым местом между двумя цифрами в отчёте.

– Пошли, – сказала она Артёму, как ни в чём не бывало. – У меня есть лучшее место, чем его нос.

Лучшее место было на крыше.

Старое здание рядом с особняком её семьи, плоская крыша, залитая солнцем. Отсюда город был похож на огромный организм: где-то внизу пульсировали дороги, где-то блестели крыши, вдалеке торчали стройки, как недостроенные кости.

– Это мой штаб, – сказала она, усаживаясь на низкую, ободранную по краям стенку. – Здесь никто не делает вид, что мы приличные.

Здесь не было кондиционеров. Был ветер. Тёплый, пах-

нущий пылью и чем-то жареным с дальних улиц. Но после школы воздух казался почти холодным.

Из щели в стене она достала сигаретную пачку и тонкую, потрёпанную книжку.

– Пачка – это преступление, – сказала она. – Книжка – наказание.

На пачке было написано «Gold Flake». На книжке – «Есенин» по-русски.

– Папа считает, что это "великая культура", – скривилась она. – Таскает русских поэтов во все переговорные. Я выучила пару стихов, чтобы он отстал.

– Есенин – нормальный, – сказал он автоматически.

– Нормальный – это ты. Он – скучный. Но голос у тебя хороший. Читай.

Он взял книгу. Страницы были помяты, на полях – какие-то слова на хинди. Он начал читать вслух, по памяти, почти не глядя:

«Не жалею, не зову, не плачу...»

Слова ложились на жаркий воздух странно. Как будто они вообще не про снег, не про холод и не про берёзки, а про эти самые крыши, про жар и про невозможность уйти.

Она слушала, поджав ноги, обхватив колени руками. Сигарета тлела между пальцев, дым уходил в небо. Она иногда не понимала смысла, но ей нравился звук. Русский язык в его устах подчёркивал то, что она и так чувствовала: всё это временно. И он, и её крыша, и этот город, и даже её отец

внизу.

Когда он закончил, она не сказала «классно» или «красиво».

– Так лучше, – только бросила. – Чем наизусть, как у нас любят. Когда повторяют слова, не слушая, что говорят.

Отец увидел их не на крыше. На крыше он не ходил. Он увидел их на подъездной дорожке.

Машина подъехала резко – чёрный седан, блестящий, как игрушка. Из него вышел мужчина в идеально сидящем костюме, с часами, которые стоили, наверное, как весь посольский автомобиль.

Викрам Радж. Отец Дивьи. Фармацевтический магнат Бангалора, человек, который продавал другим здоровье, а своей дочери – правильную жизнь.

– Дивья, – сказал он.

Он даже не повысил голос. Он просто произнёс её имя. И воздух вокруг сжался.

Она невозмутимо спустилась с верхней площадки, где они только что успели спрятать сигареты и книжку. Артём тоже пошёл вниз, чувствуя, как сердце начинает биться в горле.

Викрам посмотрел на неё, потом на Артёма. Его взгляд на мальчике был не злым. Просто... отсутствующим. Как будто он посмотрел насквозь. Через него, на что-то далёкое, связанное с цифрами и контрактами.

– Русские уезжают, – сказал он дочери так, будто обсуждал курс акций. – Рано или поздно. Мы – остаёмся. Запомни

разницу.

– А русские мальчики? – спокойно спросила она. – Они тоже уезжают?

Он чуть прищурился. Её тон был слишком прямым. В нём слышалось не детское упрямство, а вызов.

– Русские мальчики... – он задержал взгляд на Артёме ровно на секунду. – Временно. Как дождь в нашем городе.

И пошёл дальше, даже не попрощавшись. За ним потянулась вереница прислуги, охраны, тени.

Дивья смотрела ему вслед.

– Не переживай, – сказала она потом Артёму, когда автомобиль уже уехал. – Он тебя не заметил. Это лучше, чем если бы заметил.

В её голосе не было нежности. Только знание.

В тот вечер она не повела его в дом, под присмотр камер и людей в белых рубашках. Она повела его вглубь сада, к маленькому, аккуратному домику, где всегда пахло тестом, маслом и старыми песнями.

Дверь была открыта. Внутри, на низком стульчике, сидела женщина в простом сари. Серые волосы собраны в тугий пучок, руки в муке. Она месила тесто для чапати, тихо напевая себе под нос.

– Дадиджи, – сказала Дивья. – Я привела... белого воробья.

Женщина подняла глаза. Они были тёмные, уставшие, но в них была та мягкость, которой не было ни у кого из взрос-

лых в этом доме. Она посмотрела на девочку, потом на мальчика. И в её взгляде не было ни удивления, ни осуждения. Только лёгкая грусть.

– Снова привела своего белого воробышка, – сказала она по-хинди, не переставая мять тесто. – Напугал его Викрам ? Не бойся, мальчик. Он львом рычит, но сами львы боятся леса, который не могут купить.

Дивья перевела, смягчив слова, но смысл дошёл.

Старуха поднялась, чертыхнулась на суставы, поставила перед ними две стальные тарелки. Плюхнула на каждую по горячей, только что испечённой лепёшке. Рядом – миска с густым, пахнущим тмином и имбирём далом и маленькая чашка с манго-чатни.

Запах был таким, что у него закружилась голова сильнее, чем от жары.

– Ешь, – сказала Дадиджи. – Любовь к месту начинается с желудка. А ненависть тоже. Лучше первое.

Он не знал, что ответить. Просто отломил кусок чапати. Тёплый, мягкий хлеб обжёг пальцы. Когда он макнул его в дал и поднёс ко рту, мир на пару секунд сузился до одной точки: вкус. Жгучий, пряный, с земляным эхом чечевицы, с лёгкой сладостью. Острый до слёз. Но эти слёзы были странно приятными.

Дивья сидела рядом, тоже ела, и впервые за все дни лимит её напряжения чуть спал. Плечи опустились. Лицо перестало быть маской.

Дадиджи продолжала напевать колыбельную. Голос у неё был низкий, чуть хриловатый, но мягкий. Слова текли по-хинди, но даже без перевода в них слышалось что-то... правильное. Про дом. Про поиск.

– Она поёт про птицу, которая ищет своё гнездо в чужом лесу, – шепнула Дивья, наклоняясь к нему. – И всё никак не находит. Пока не понимает, что гнездо – это не ветки. Это тот, кто рядом.

Артём кивнул, не зная, что сказать. Внутри стало тепло, но от этого тепла стало ещё страшнее. Потому что всё слишком сильно похоже на дом. А дома, как он уже начал понимать, здесь не бывает надолго.

Разрыв пришёл без драматической музыки. Без последнего звонка, без выпускных фото. Просто вечером.

Он сидел в гостиной посольской квартиры, делал уроки – что-то по английскому, список неправильных глаголов. Отец вошёл, сел напротив, сложил руки.

– Нас переводят, – сказал он. – Срочно.

Слово «нас» означало «меня и твою мать». Его самого как будто в это «нас» не включили.

– Куда? – спросил Артём.

– В Европу. Страна – позже. Сборы – сейчас. Вылет – завтра.

Он хотел спросить: «А школа? А друзья?», но вовремя поймал на себе взгляд отца. Взгляд «части миссии». Части миссии не задают таких вопросов. Части миссии собирают

свои вещи.

Они складывали вещи до глубокой ночи. Книги, футболки, пару игрушек, которые он всё ещё таскал с собой, хотя считал себя уже слишком взрослым. Он всё время ловил себя на мысли: «Утром я ещё увижу её. Я приду в школу, мы сядем на крышу, съедим манго, и я скажу, что уезжаю. Как-то. По-настоящему».

Утром Пракаш сказал:

– В аэропорт надо выезжать через час. Пробки.

Школа отодвинулась на "потом". "Потом" не наступило.

Он выскользнул из квартиры, пока родители спорили про какие-то документы. В кармане – мелочь. В коридоре – телефон с круглым зелёным диском и подёрнутым пылью пластиком.

Таксофон у ворот посольства был старым, облезлым, но рабочим. В трубке шипело. Он набирал номер её дома по памяти. Сначала неправильно. Потом ещё раз. Пальцы дрожали.

Гудки были долгими. Каждый казался вечностью.

– Алло, – сказала наконец знакомая служанка.

– Это Артём, – выдохнул он. – Мне нужна Дивья. Срочно.

Служанка вздохнула. В её вздохе было всё: и «опять», и «зачем», и «как же вы надоели, дети господ». Но она всё же позвала.

Пауза. Шаги. Шорох.

– Да, – сказала она. Без привычной резкости. Без брони.

Сзади у неё в трубке играла тихая классическая музыка. Пианино. У отца, наверное, был очередной приём.

– Я уезжаю, – сказал он. Голос сорвался. – Сейчас.

Тишина. Только дождь. Он вдруг понял, что на улице льёт. Капли барабанили по металлическому козырьку над будкой. В трубке этот звук превращался в шипение.

– Куда? – спросила она.

– Не знаю, – честно ответил он. – В Европу. Отец сказал – "в Европу", как будто это один большой город. Страна – потом.

Пауза.

Сзади кто-то позвал её по-хинди: «Дивья, иди сюда!» – голос отца, знакомый даже по телефону.

Она задержала дыхание. Кажется, прикрыла ладонью трубку. Потом снова заговорила, быстрее, чем обычно, шёпотом:

– Ты обещал показать мне снег. Настоящий, а не на картинке.

– Покажу, – сказал он. – Когда-нибудь.

"Когда-нибудь" повисло в воздухе тяжёлым грузом. Он понял, что лжёт. Не потому, что не хочет. Потому что не может знать.

В этот момент связь щёлкнула. То ли кто-то на линии положил трубку, то ли таксофон решил, что всё.

Тишина. Только дождь.

Он несколько секунд держал трубку у уха, слушая шипе-

ние. Потом медленно повесил.

Вода стекала по его волосам, по воротнику, по спине. Рубашка стала тяжёлой. Он вышел из будки – ливень смыл с него и пот, и пыль, и остатки вчерашнего вкуса манго. Город за забором был размытым, как акварель, которую оставили под дождём.

Пракаш стоял у машины, под зонт не прятался.

– Поехали, young sir, – тихо сказал он. – Пробки сами себя не победят.

Её заперли не в подвале. Не в «казематах». Просто в комнате.

Отец не кричал. Он только сказал:

– Ты останешься у себя. Пока не научишься различать друзей и... временных людей.

"Временные люди" – это был он. Артём. Русский мальчик, как дождь.

Дверь закрыли снаружи. Щёлкнул замок.

Она села на пол, прислонившись спиной к кровати. В окне шумел дождь. Вдалеке шёл приём. Музыка, голоса, смех. Мир шёл своим чередом без неё.

Плакать не хотелось. Хотелось... ломать. Но ломать было нечего, кроме собственных ногтей.

Спустя какое-то время – она не знала, сколько – за дверью слышались шаги. Тихие. Не отцовские, не охранника. Скрипнули суставы. Потом кто-то поставил что-то на пол. Металлический звук.

– Я не могу спорить с твоим отцом, – сказала Дадиджи за дверью. – Но я могу накормить его ошибку.

Запах пришёл первым. Горячие, сливочные паратхи. Пряный дал. И сладкий, тёмный кусочек ронг-гур – неочищенного пальмового сахара, который бабушка давала ей в детстве, когда она падала и разбивала коленки: «Это отрезает боль».

Дверь была закрыта. Но запах просочился под щель.

Она встала, подошла, присела, провела пальцами по полу. Нащупала край металлического подноса. Подсунула его внутрь.

Она не сказала «спасибо». Не смогла. Глотка была забита чем-то другим. Но когда она отломила кусок горячей лепёшки и сунула в рот, слёзы всё-таки пошли. Не от остроты. От того, что снаружи кто-то всё ещё верил в её право быть собой.

Она ела всё – до последней крошки, до последнего кусочка сахара. Это был её первый сознательный акт сопротивления. Не голодовка, а наоборот. «Я буду жить, несмотря на вас».

Самолёт ревел, когда оторвался от взлётной полосы. Дождь внизу превратился в серую мглу, потом в белый туман, потом в ровную серость облаков.

Артём сидел у иллюминатора, вцепившись в подлокотники так, что пальцы побелели. Рядом мать листала журнал авиакомпании, не читая. Отец смотрел в никуда.

Он смотрел вниз, туда, где за облаками остались шумный рынок, крыша, старый домик в саду, белые банты на чёрных волосах, горячий дал и песня про птицу в чужом лесу. Всё это сжалось в одну точку, такую маленькую, что её невозможно было увидеть через иллюминатор.

Где-то там сейчас сидела девочка за закрытой дверью и ела паратхи, подsunутые бабушкой. Где-то там лил дождь. Здесь, в герметичной банке самолёта, пахло пластиком, кофе и чем-то стерильным.

Когда стюардесса проехала по проходу, предлагая еду, он машинально взял поднос. На нём была курица, похожая на курицу, рис, похожий на рис, и хлеб, похожий на хлеб. Всё было правильным. И совершенно безвкусным.

Он взял маленький кусочек хлеба, поднёс к лицу. Пахло ничем.

В памяти вспыхнул запах: тмина, имбиря, жареной муки, манго-чатни. Голос Дадиджи: «Любовь к месту начинается с желудка». Голос Дивьи: «Научись принимать катастрофу как часть жизни».

Он положил кусок обратно. Есть не хотелось.

Снег, который он должен был показать ей, был пока только обещанием. И это обещание уже болело, как выбитый зуб, когда язык всё время к нему тянется.

Самолёт набирал высоту. Индия исчезала под крылом. Европа приближалась. Жизнь делилась на «до» и «после» с ясностью, которая редко бывает в двенадцать лет.

Где-то внизу, в доме с высоким забором, бабушка снова месила тесто, напевая песню про птицу. Дивья лежала на кровати, уткнувшись носом в подушку, и чувствовала вкус сахара на языке. Отец обсуждал с гостями очередной контракт. Никто из них не знал, что самый сильный контракт в её жизни уже заключён – между ней и тем, кто улетает.

Он не был подписан. Не был проговорён. Но от этого становился только крепче.

Когда самолёт прорвал облака и в иллюминаторе показалось бледное, холодное солнце, Артём подумал только одно:

«Когда-нибудь я покажу тебе снег. Если ты ещё захочешь его увидеть».

Он впервые позволил себе не верить собственным словам. И от этого внутри стало пусто. Так пусто, что в эту пустоту легко мог войти кто угодно.

Он этого ещё не знал.

Она – тоже.

Но пролог их общей истории уже был написан. Жарой. Едой. Запахами. И дверью, которая захлопнулась слишком рано.

Глава 1. Возвращение

Рис 2. Создано Ю. Верхолиным с использованием OpenAI ChatGPT (коммерческая лицензия).

Часть 1. Артем. Возвращение в город.

Пробка стояла плотная, как бетон. Машины не просто тянулись – они вросли в раскалённый асфальт, дышали жаром

и выхлопами. Воздух за лобовым стеклом дрожал так, что линии домов казались кривыми, будто мир кто-то неловко сжал пальцами.

Артём смотрел не туда.

Экран телефона заливал лицо белым светом. В мессенджере мигало: «Welcome to BLR, bro!», «Клиент бешеный, но деньги платит», «Завтра в девять быть в офисе, без опозданий. У нас нет второй попытки». В почте – три письма с пометкой urgent, одно с вложенным Excel на десять тысяч строк. Он листал, сортировал, ставил флаги. Где-то между строками мелькало: «Narayana Biotech», «Raj Group», «pharma deal».

Имя, от которого у него когда-то пересыхало во рту, теперь шло в одной строке с цифрами и сроками. Он отметил это машинально и пролистал дальше. Канал, по которому ему сливали базу клиента, был важнее, чем призрак фамилии.

Машина дёрнулась и остановилась. Водитель – мужчина в рубашке с потными подмышками – выбралился на каннада и ударил по рулю. Слева в сантиметре прижимался автобус, справа рикша отчаянно пыталась пролезть в щель, которой не существовало. Над всем этим гудело, как улы, переплетение гудков, голосов, уличных торговцев, сирен.

Артём поднял глаза от экрана – не потому, что хотел посмотреть на город. Просто мессенджер на секунду завис, и мозг, лишённый стимуляции, сам вытолкнул взгляд наружу.

Улица Лаваль Роуд. Та же вывеска магазина тканей с облезлыми буквами. Тот же обшарпанный дом с зелёными ставнями. И – там, чуть дальше, почти прижатая к стене высотки – лачуга, сложенная, казалось, из случайных досок и жестяных листов. В тени навеса – ящики с лаймами. Невозможно одинаково круглые, одинаково зелёные.

Со стороны всё изменилось. Появились новые стеклянные фасады, вывеска с кофе to go, где раньше была забегаловка с сомнительным чаем. Но этот угол – не тронут. Лаймы, облупленный синий ящик, старик в белой майке, лениво обмахивающийся газетой.

Картинка ударила, как запах из детства. Мир качнулся на долю секунды, а потом встал на место. Артём коротко выдохнул и опустил взгляд обратно в телефон.

Он не здесь. Он в контракте, который должен закрыть за три месяца. Он – не мальчик в чужой форме, который когда-то стоял у этих лаймов, жуя кислую дольку и смеясь, потому что по-другому было невозможно. Он – внешний консультант немецкой IT-компании, прилетевший оптимизировать цифровую инфраструктуру для фарм-гиганта. Всё. Точка.

Экран отозвался вибрацией. Новое сообщение от координатора проекта, сухой английский:

«Reminder: tomorrow 09:00 a.m. sharp, main conference room, Raj Tower. Don't be late. Their security guys are paranoid.»

Security. Paranoid. Он хмыкнул. Нормально. Он работал с параноиками последние восемь лет. Бизнес, который сторонится светлых зон закона, всегда любит слово security.

Пот стекал по шее в воротник. Но жар уже не вызывал паники. Мозг автоматически оценивал: выше тридцати пяти, влажность под девяносто, кондиционер в дата-центре должен быть рассчитан минимум на пик в сорок. Внутри, в серверной, будет хорошо. Там всё понятно: температура, нагрузка, риски. Мир, который укладывается в графики.

Машина рывком сдвинулась на метр и снова встала. Водитель обернулся, улыбнулся натянутой вежливой улыбкой:

– Sir, first time in Bangalore? Business trip?

Артём ответил по-английски, автоматически, чуть ленивым тоном:

– Не совсем. Я здесь... уже был. Давно. Now – business, yes.

Водитель оживился – слово business всегда работало как пароль.

– Big company? Raj Group, maybe? They are very big people, sir. Very powerful.

– Something like that, – уклончиво сказал Артём и снова уткнулся в телефон.

Он не хотел говорить «Raj». Язык помнил, как это имя режет изнутри. Даже сейчас, когда фамилия была для него просто строчкой в презентации – «ключевой партнёр, основная точка принятия решения по проекту».

В салоне пахло кондиционерным пластиком, потом и чем-то сладким – водители жевали пан, пряный табак с кардамоном. За стеклом запахи были ещё плотнее: выхлопы, жареный лук, пыль, мокрый мусор, благовония. Вместе – тяжёлый, пряный, липкий коктейль. Жара давила на кожу, но он считал её цифрами.

«Каждое ощущение – шум. Суть – в сигнале», – повторил он про себя любимую формулу.

Сигнал был прост: его сюда прислали не просто так. Немецкая фирма не лезла в такие дыры ради галочки в портфолио. Клиент платил слишком много и слишком охотно. Значит – у клиента были причины очень хорошо спрятать что-то в своих цифрах.

Телефон мигнул и вернулся к жизни. Сообщения посыпались вновь. Внутри всё чуть-чуть сжалось, но это сжатие было не страхом, а привычной концентрацией.

Один чат – с внутренней командой. Немцы, индийцы, пару русских в Берлине. Короткие фразы, аббревиатуры, ссылки. Другой – отдельный канал, отмеченный нейтральным эмодзи. Там не было названий компаний, только коды и проценты. За этот канал ему платили неофициально.

«Нараяна», «Raj», «доступ к сырым данным», «серые поставки».

Он скользнул глазами по сообщениям, отметил ключевое: «Собственник очень хочет контролировать информационные потоки. Не доверяет даже своим службам. Следовательно-

но, возможен двойной контур. Твоя задача – увидеть то, чего тебе не показывают.»

Он убрал телефон, наконец позволил себе посмотреть на город чуть дольше, чем на одну секунду.

Бангалор вырос и потолстел. Там, где раньше торчали разноцветные коробки домов и редкие деревья, теперь стояли стеклянные башни. На перекрёстках висели электронные табло с рекламой IT-конференций и стартапов. Старые афиши фильмов обвисли рядом с неоновыми слоганами «Smart City». Рядом с лачугой с лаймами горела вывеска кофейни с латте и free Wi-Fi.

Он вспомнил, как когда-то ночами они с ней смотрели на эти огни с крыши и спорили, что будет с городом дальше. Она утверждала, что всё это железо и бетон никогда не заменят живой хаос базара. Он говорил, что однажды всё станет одинаковым: стекло, кондиционеры, логотипы. Прошли пятнадцать лет, и, кажется, он оказался ближе к правде. Только радости в этом не было никакой.

Машина, наконец, вырвалась из вязкой пробки и свернула во двор сервисных апартаментов. Забор с колючкой, шлакбаум, охрана в чистой форме, сканер багажника. Законопослушность в отдельно взятом квадрате города.

В холле пахло холодом, полиролью и дешёвым жасмином из автоматического освежителя. Мраморный пол отражал свет, как лёд. Артём на секунду задержал взгляд на этой иллюзии – холод в этом городе всегда был фальшивым, арен-

дованным.

Администратор – гладко причёсанный парень в жилете – забрал паспорт, заулыбался, не поднимая глаз от монитора:

– Welcome, Mr... Petrov. Long stay or short stay?

– Three months. Maybe more, – ответил Артём.

Парень кивнул, отстучал что-то на клавиатуре. В одном из полей мелькнула знакомая фамилия – быстро, но глаз успел выхватить: «Raj Group – corporate account». Ну конечно. Даже здесь.

– You are here with corporate group, sir? Software project? – в голосе администратора мелькнул интерес. Любое «software» в Бангалоре – своего рода благословение.

– Something like that, – повторил Артём. – Just IT.

Администратор сделал ещё одну отметку. Потом, чуть понизив голос, добавил:

– Next week we also have Russian VIP coming. For big event. Father of future groom booked whole floor for guests. Big wedding, sir. Very big. City talking about it.

Русский VIP. Свадьба. Целый этаж. Всё это прозвучало как далёкий шум, лишённый смысла. Россияне здесь всегда были. Туристы, бизнесмены, чиновники. Кто-то вечно женился на дочерях местных богачей или наоборот, свозил сюда своих спутниц из Москвы. Ничего нового.

Где-то на дне сознания что-то кольнуло – сочетание «Russian» и «big event» с «Raj», но отражения не сложились.

– Sounds fun, – вежливо отозвался он, забирая кар-

ту-ключ. – Hope it will not be too noisy.

– No, no, sir! – заверил администратор. – VIP floor isolated. For you – very quiet.

Тишина. Изоляция. Он поднялся в лифте на свой этаж, открыл номер. Стандартный набор – кровать, стол, холодильник, маленькое окно с видом на стену соседнего здания. Белые стены, как чистая страница.

Артём поставил чемодан на пол и привычным движением расстегнул. Пара рубашек, минимум вещей. Но на самом дне, под аккуратно сложенными футболками, лежал небольшой серый камень, гладкий, почти овальный.

Он достал его двумя пальцами, подкинул из одной ладони в другую. Камень был холодным. Совсем не по сезону, не по месту. Он всегда был холодным – даже когда его грело июльское солнце над Байкалом.

Камень из страны снега. С того места, где газированный воздух пах лёдом и хвоей, а не выхлопами и пылью. Он тогда, стоя на берегу озера, долго вертел его в руках, выбирая. Мать спрашивала, зачем ему вообще эти камни. Отец отмахнулся: «Геологический атавизм, не обращай внимания».

Он тогда уже не был геологом. Он уже уходил в цифры, но привычка подбирать камни осталась. Этот он хотел кому-то показать. Кому-то конкретному. Сказать: «Вот, смотри. Настоящий лёд, только в камне. Я помню».

Сейчас он смотрел на камень и не видел ничего, кроме фактуры.

«Плотная структура, без трещин. Отличный стресс-шарик», – подумал он цинично.

Пальцы сами сжали холод. Где-то в груди, там, куда он давно не заглядывал, лёгкой иглой кольнуло воспоминание: женский голос в трубке, сквозь треск дождя – «Ты обещал показать мне снег». Ему тогда было двенадцать, ей – десять. Обещать было легко.

Он бросил камень на тумбочку. Тот глухо стукнулся о дерево и замер. Холод вокруг него будто чуть усилился. Артём снял часы, рубашку, прошёл в душ. Вода текла по коже, смывая запах города, но внутри оставалось странное ощущение: словно он не вернулся, а снова взялся за чужой, но знакомый кейс, который должен закрыть быстро и без лишних вопросов.

Телефон завибрировал на столе. Сообщение от координатора всплыло поверх:

«Don't forget NDA. Tomorrow you meet the inner circle. Be careful what you say. They are hunters.»

Артём улыбнулся уголком губ. Охотники – так называют тех, кто привык покупать людей и информацию так же легко, как акции. Он давно научился не быть добычей. Но странное чувство не уходило: в этот город он вернулся не только как подрядчик. Что-то другое уже смотрело на него из-за стеклянных фасадов и старых лаймов.

Он выключил телефон, лёг на постель и уставился в белый потолок. В воздухе стоял слабый запах кондиционерной

прохлады и жасмина. Где-то отдельно, почти на уровне фантомной памяти, ему казалось, что он слышит звук, которого здесь быть не могло – далёкий, тяжёлый плеск тропического дождя по железной крыше. Того самого дождя, под который когда-то оборвалась связь.

Он перевернулся на бок и закрыл глаза. Завтра будет встреча с клиентом. Завтра – цифры, схемы, NDA и чужие деньги. Всё остальное – шум.

Город снаружи жил, как всегда: гудел, шипел, пах, двигался. И где-то в другой части этого же города другая машина в этот момент въезжала в другой, совсем иной мир.

Выйти из самолёта в частном терминале – это не то же самое, что в обычном аэропорту. Там нет очереди у трапа, нет запаха чужого пота, нет криков встречающих с табличками. Здесь – стекло, тишина и мягкий, вылизанный под кондиционеры воздух, пахнувший ничем. Даже жара снаружи кажется абстракцией, пока дверь не распахнётся.

Дивья шла по коридору, глядя вперёд. Не на архитектуру, не на город за стеклом – на прямую линию, по которой её вели.

Ассистент отца, Мехул, держал под мышкой кожаную папку. С папкой он обращался внимательнее, чем с чем бы то ни было. Человеческие тела в его мире были заменяемыми. Документы – нет.

– Дивья-джи, – ровным тоном сообщил он, – я отправил вашему отцу сообщение о посадке. Ваша программа на бли-

жайшие семь дней здесь, – он приподнял папку, – но я продублирую по почте.

Она едва заметно кивнула. Сил на светскую улыбку не было. Да и незачем. Для него она была объектом в расписании. Для объекта улыбка не обязательна.

– Сегодня вечером семейный ужин. Завтра – визит в “Raj Tower”, встреча с советом директоров и фотографии для Annual Report. В четверг – фотосессия для Tatler India, – Мехул перечислял пункты, как имена на похоронной речи. – В субботу – первая официальная встреча с семьёй Вираджа-джи. Ваш отец просил подчеркнуть: это важнее всех остальных пунктов вместе взятых.

Фамилия жениха прозвучала как диагноз. Вирадж. Она знала о нём всё – досье было собранно заранее. Образование в Лондоне, своя IT-компания, тесные связи с фармацевтическим бизнесом её семьи. Чистые фотографии в соцсетях, никаких скандалов. Идеальный продукт системы.

– Отлично, – сказала она сухо. – Надеюсь, меня хотя бы покормят между фотосессиями.

Мехул позволил себе короткую, безопасную улыбку.

– Кухня уже готовит ваш любимый bisi bele bath, – сказал он. – Как в детстве.

Она чуть дёрнула уголком губ. Как в детстве. В детстве этот вкус был не частью контракта, а частью жизни. Теперь даже еда превратилась в ещё один инструмент смягчения ударов.

Они прошли через стеклянные двери. Жара ударила сразу, как физический толчок. Внутри терминала ей казалось, что тело забыло, как это – жар тропического воздуха. Но кожа вспомнила мгновенно. Влажность прилипла к волосам, к шее, ткань платья тяжело легла на плечи.

На взлётной полосе уже ждал чёрный внедорожник. Не старый «Амбассадор» с потрескавшимися сиденьями, а новенький, блестящий, с зеркальными стёклами. Внутри – кожаный салон, идеальный климат-контроль и тот же утончённый запах ничто.

Она села, положила рядом сумку. Внутри – паспорт с визами пяти стран, телефон, кошелёк, маленький несессер, пачка салфеток. И тонкая книга в мягкой обложке. Русские буквы на обложке были как рисунок, понятный только ей.

Книга была потрёпанной. Не потому, что она её читала. Потому, что она её носила. В руках не раз вверх-вниз, на границе – «проверка вещей». В Европе, в Москве, в Лондоне, в аэропортах мира. В самолётах. Она открывала её иногда – наугад, цепляла взглядом строку, ощущала, как внутри поднимается нечто, похожее на боль, и закрывала.

Её отец однажды спросил: «Почему ты таскаешь с собой этот мусор на непонятном языке?» Она сказала: «Потому что это красиво». Он ответил: «Красота должна работать на тебя или на бизнес. Если нет – выброси». Она не выбросила.

Сейчас книга лежала в сумке, пока машина мягко выезжала из частного сектора в город. За стеклом по одну сторо-

ну начинался тот Бангалор, который ей продают на презентациях: технопарки, аккуратные парки, стеклянные башни. По другую – тот, который никуда не делся: слепые стены, провода, стихийные рынки, коровы, застрявшие посреди дороги и не спешащие уступать дорогу BMW.

– Ваш отец просил напомнить, – ровно сказал Мехул, – на приёме в субботу будут представители прессы. Всё, что вы скажете, будет цитироваться. И всё, чего вы не скажете, будет интерпретироваться.

Она повернула голову, посмотрела на него долгим взглядом.

– То есть, как обычно, я буду изображать, что у меня есть голос, а вы будете контролировать, чтобы его не было слышно, – сказала она.

Он не смутился.

– Вы всё преувеличиваете, Дивья-джи. Ведите себя, как сочтёте нужным, в рамках согласованного сценария.

Она фыркнула и отвернулась к окну.

Город встретил её не радостным «добро пожаловать», а потоком сигналов. Там, где она когда-то убегала с крыши, теперь строили новый офисный центр. Там, где была лавка старика, продававшего сладкий чай в стеклянных стаканах, теперь висела вывеска кофейни. Там, где рынок KR Market взрывался запахами и цветами, теперь торчала навесная парковка, а рынок – как таракан – разползся по боковым улочкам.

Она чувствовала, как где-то внутри поднимается странное чувство – не ностальгия, не радость. Что-то вроде раздражения: город позволил себя перекроить, но оставил шрамы. Старые стены, на которых до сих пор сидели вороньё и дети. Где-то там, в глубине, наверняка ещё был тот гараж с ржавой дверью, на которой они когда-то нацарапали глупое, но очень честное «RAJ = ENEMY». Она знала, что отец приказал её перекрасить. Но болт, которым они царапали, он почему-то забрал и поставил в стеклянную витрину. Как трофеей. Как напоминание.

Она пыталась не думать о нём. О мальчике, который стоял рядом, когда металл скрипел под их руками. Мозг выталкивал воспоминание как некорректный файл. Бессмысленно возвращаться к тому, что было оборвано без её спроса.

Машина свернула на аллею, ведущую к дому. Дом не изменился снаружи. Тот же белый фасад, тот же аккуратный сад, только фонтан стал дороже, а мрамор ярче. Внутри, она знала, изменилось почти всё. Мать научилась носить дорогие сари и молчать на приёмах. Бабушки не было уже три года – сердечный приступ, внезапно и быстро. Её маленький домик в глубине сада пустовал. Там больше никто не месил тесто и не напевал старых песен.

Всё, что было живым, стало музейным. Всё, что было её, превратилось в экспонаты семейной легенды.

В холле её встретила не мать – домработница с натянутой улыбкой. Мать появилась позже, спустившись по лестнице в

идеально сидящем сари, на котором, как всегда, не было ни одной складки.

– Ты похудела, – сказала она вместо «здравствуй». – Европа тебе идёт.

– А тебе – этот дом, – ответила Дивья. – Вы с ним теперь одно целое.

Мать сделала вид, что не слышала. В этом доме многие вещи игнорировались избирательно.

Слуги взяли чемоданы, отнесли наверх. Дивья поднялась в свою комнату – чистую, отутюженную, стерильную. На полке, за стеклом витрины, действительно стоял ржавый болт, как она и помнила. Рядом – кубки, дипломы, фотографии отца с какими-то министрами.

Она подошла ближе, провела пальцами по стеклу. Болт был маленьким, смешным, но взгляд зацепился за него сильнее, чем за все остальные блестящие регалии.

«Ты хотела стереть его имя, – подумала она, глядя на слово, которого уже не было на железе. – А он сделал из этого сувенир.»

Телефон завибрировал в сумке. Сообщение от отца: «Welcome home. Dinner at 8 p.m. We need to talk about Saturday.» Никаких смайликов. Никаких «скучал» или хотя бы «рад видеть».

Она положила телефон на стол рядом с книгой. Русские буквы на обложке смотрели на неё, как глаза из старой фотографии.

«Ты обещал показать мне снег», – всплыла из ниоткуда фраза. Зло стянуло плечи. Она села на край кровати и уставилась в пол.

В этом доме любовь всегда была слабостью. Слабость – уязвимостью. Уязвимость – рычагом. Отец любил её по-своему – через контроль. Через контракты, подписанные за её спиной. Через жениха, выбранного на тендере выгодных союзов.

Она любила по-другому. Громко, резко, бессмысленно – в детстве. Потом научилась прятать. Теперь любая эмоция проходила внутрь через фильтр цинизма. Не потому, что она его любила. Потому, что иначе выжить было невозможно.

Она поднялась, подошла к окну. С высоты второго этажа было видно небо – в полосах дыма и пыли, разрезанное проходами. Где-то далеко гудел город, тот самый, который помнил её маленькой, в драных джинсах, с пачкой сигарет на крыше. Теперь он готовился к её возвращению как к очередному событию в расписании: «Дочь магната. Будущая жена техно-князя. Ещё один альянс».

Где-то в этом же городе, в другой комнате такого же сервисного апартаментов, мужчина с русским паспортом перекачивал в пальцах камень, холодный, как лёд. Они не знали, что разделяют один воздух, одну жару, одну сеть дорог. Но система уже двигала фигурки на своей доске, терпеливо сводя линии.

Артём сидел на кровати, держа ноутбук на коленях. На

экране – презентация: логотип немецкой компании, под ним – пунктирные стрелки к логотипу Raj Group. Каждая стрелка – контракт, под каждую – сноска: «ответственность», «сроки», «риски».

В отдельном окне – краткая справка о клиенте. Чисто написанный текст о фармацевтическом гиганте, вкладывающемся в «инновации для здоровья наций». Между строками – то, что интересовало его больше: «скандал с побочными эффектами десять лет назад», «обвинения в подкупе регуляторов», «снятие с повестки за недостатком доказательств».

Фамилия владельца мелькала несколько раз. Она была одновременно слишком знакомой и слишком абстрактной. Он заставил себя смотреть на неё как на имя переменной. Никакой связи. Только проект.

На почту упало новое письмо. От внутреннего отдела безопасности немецкой компании. Сухой английский, ни лишнего слова:

«Не обсуждайте с клиентом структуру наших внутренних резервных каналов. Не упоминайте предыдущие кейсы в Восточной Европе. Клиент считает, что он контролирует все потоки данных. Ваша задача – сделать так, чтобы он продолжал так считать.»

Артём усмехнулся. Его задача, выходит, – не только наладить систему, но и подыграть чужому чувству всемогущества. Играл он давно и умело.

Он откинулся на спину, закрыл ноутбук. В телефоне тух-

ли уведомления. В голове, поверх всего этого шума из цифр и договоров, всплывал странный образ: тропический ливень по железной крыше, голос в трубке, обрыв связи. Он попытался оттолкнуть. В конце концов, память – это тоже транзакция. За каждое возвращение платишь. Наступает момент, когда выгода уже ниже риска.

Он взял камень с тумбочки, сжал, ощущая, как холод втиснулся в кожу. Внутри грудной клетки прохладой отозвалось что-то, что отказывалось умирать. Он сам над этим мысленно усмехнулся:

– Бред, – сказал он вслух.

За окном гудели клаксоны. Где-то совсем рядом завывала сирена. Город жил по своим законам, а он – по своим.

В это же время, в другом конце города, Дивья сидела за длинным, слишком блестящим столом в столовой, где когда-то бабушка кормила её руками. Теперь стол ломился от блюд, которые больше напоминали каталог ресторана, чем еду: продуманная подача, цвет, текстура.

Отец сидел во главе, в безупречном костюме. Разговор шёл о процентных ставках, новых проектах, регуляторных барьерах. Иногда вплеталось слово «свадьба», но тон оставался деловым.

– Вираддж уже согласовал основные условия совместной платформы, – говорил отец, не глядя на неё. – Его IT-компания обеспечит нам прозрачность логистики. Ты понимаешь, что это значит?

«Что у меня жених – живое приложение?» – хотелось сказать ей. Она откусила кусочек paratha, прожевала, запила водой.

– Это значит, что ты опять покупаешь себе сына, – тихо ответила она. – Только в этот раз сразу со всей инфраструктурой.

Он поднял на неё взгляд. Тот самый – холодный, оценивающий. В детстве он этим взглядом прижимал её к стене без рук. Сейчас она выдержала.

– Я покупаю стабильность, – сказал он. – В этом наша разница.

В доме тишина вдруг стала тягучей. Даже приборы ложиться на тарелки стали как-то осторожнее. Мать сделала вид, что поправляет сари, опустив глаза.

В голове Дивьи всплыла другая картинка: ржавый гараж, болт в руке, надпись на железе. Тогда ей казалось, что она кидает вызов отцу. Теперь она понимала, что бросила вызов системе. Система пока выигрывала.

Она доела paratha, отодвинула тарелку.

– В субботу я буду красивой, – сказала она. – Ты получишь идеальные фотографии. Остальное – как получится.

Отец хотел что-то ответить, но не стал. Он прекрасно понимал: она играет. Но он привык выигрывать у всех – даже у собственной дочери, даже ценой её жизни.

Ночь опустилась на город быстро. Воздух не стал прохладнее, только чуть темнее. Свет фар прорезал пыль, неоновые

вывески бросали пятна цвета на стены.

В одном из номеров сервисных апартаментов на столе рядом с ноутбуком лежал серый камень, холодный и немой. В комнате особняка на полке за стеклом тускло мерцал ржавый болт под аквариумным светом. Оба предмета были смешными, если смотреть на них с высоты миллиардных договоров. Но именно они держали связку того, что когда-то было живым.

Артём заснул ближе к полуночи, с телефоном в руке. Последняя мысль, прежде чем провалиться в сон, была сухой: «Завтра – первый контакт. Сначала с цифрами. Потом с людьми.»

Дивья долго не могла уснуть. Она лежала на чистых, пахнущих стиральным порошком простынях и слушала, как дом дышит – кондиционеры, холодильники, дежурная охрана у ворот. Где-то далеко, на границе слышимости, ей казалось, звучит старая колыбельная бабушки. Она знала, что это память. Память – роскошь. Роскошь – слабость. Она перевернулась на бок и закрыла глаза.

Они ещё не были в одном зале, ещё не пересеклись взглядом. Но город уже поставил галочки в нужных полях. Немецкая IT-компания. Raj Group. Свадьба века. Русский консультант. Дочь фарм-магната.

Сделка надвигалась. И никто, кроме города, пока не понимал, что главным товаром в этой сделке будут не технологии и не таблетки.

А люди.

Сон был рваный, беспокойный. В нём не было ни дождя, ни крыш, ни города – только ровный, нестерпимый белый шум, как от гигантского вентиляторного зала. И на фоне этого шума – голос. Не громкий, не угрожающий, почти вежливый:

– Ты уверен, что хочешь получить доступ?

Он вздрагивал каждый раз, когда голос повторял это, и каждый раз пытался ответить, но во сне у него не было рта. Только ощущение стягивающейся вокруг груди пустоты, как перед погружением под воду.

Будильник вырвал его из полудрёмы ровно в семь.

Артём открыл глаза сразу, без тяжёлого перехода. Тело было вязким от усталости, но мозг уже щёлкнул, как тумблер, включая рабочий режим. Он сел на край кровати, несколько секунд смотрел в стену напротив, где на светлом пластике медленно ползли тени от жалюзи. За ними уже начинал жить город.

Контрастный душ смыл остатки сна. Вода текла по напряжённым плечам, по позвоночнику, по груди – тело снова становилось инструментом, а не воспоминанием. Чёрная рубашка без складок, приготовленная ещё вечером. Брюки. Часы на запястье – не как украшение, а как синхронизатор. Он привычно сверился с секундной стрелкой, будто подгоняя себя под внешний ритм.

В пустом отельном ресторане пахло кофе, дезинфициру-

ющим раствором и ещё чем-то нейтральным, стерильным, как в бизнес-терминалах аэропортов. Он взял только чёрный кофе и тост. Еда была функцией, не удовольствием.

На планшете уже был открыт итоговый брифинг. Имя «Narayana Biotech» мелькало почти в каждом втором слайде. Исследовательское подразделение Raj Group. Серые блоки диаграмм, графики потоков данных, схемы контуров резервного копирования. Именно там хранились сырые результаты клинических испытаний – тот самый «двойной контур», ради которого его и выдернули из Европы.

Он листал спокойно, без эмоций, как листал сотни подобных документов раньше.

И только на предпоследней странице его взгляд зацепился за строчку, набранную мелким, почти незаметным шрифтом:

Главный научный консультант: Dr. Vikas Raj.

Радж.

Брат.

Исчезнувший лет десять назад после какого-то корпоративного скандала, утечки, внутренней войны – разные источники путались в версиях. Человек, которого рынок будто бы стёр.

Интересно.

Непрошенная мысль зашевелилась: а не является ли «оптимизация IT-инфраструктуры» всего лишь прикрытием для войны внутри одного дома? Немцы могли даже не дога-

дываться, что стали пешкой.

Он отогнал эту мысль. Не его уровень. Не его игра. Его задача – обеспечить канал, а не читать между строк.

Машина уже ждала у входа. Водитель, незнакомый, молчаливый, помог убрать ноутбук в чехол. Утренний Бангалор пытался выглядеть деловым – меньше гудков, больше сигналов, больше резких манёвров, больше спешки. Пробки начинали сгущаться ещё на выезде из центральных районов.

– Вы в Raj Tower, сэр? – спросил водитель по-английски, не отрывая взгляда от дороги.

– Да.

– Большая сделка? – в голосе не было любопытства. Только узнавание.

– Работа, – ответил Артём.

Башня выросла внезапно, как чёрная игла, воткнутая в жёлтое небо. Зеркальный фасад отражал город, превращая его в искажённую, дрожащую абстракцию. Это была не архитектура. Это был манифест: стекло, власть, вертикаль.

Внутри лобби дышало холодом кондиционеров и гулкой, стерильной тишиной. Даже шаги по полированному граниту звучали здесь неприлично громко. Люди вокруг были одинаковыми: ноутбуки, бейджи, напряжённые лица.

Первая линия безопасности выглядела почти дружелюбной: паспорт, камера, быстрая сверка.

– Минуту, мистер Петров, – девушка с безупречной улыбкой склонила голову, прикладывая наушник к уху.

Пауза длилась всего секунд пять, но он почувствовал, как в воздухе вокруг него сгущается внимание.

– Вас ожидают. Executive-зона. Лифты направо.

Вторая линия – отдельный лифт. Биометрия. Отпечаток пальца, который, по всей видимости, давно уже находился где-то в их базе. Сканирование сетчатки. Кабина поехала вверх без музыки, без объявления этажей. Только его отражение в полированной стали стен – чуть искажённое, чужое.

Сороковой этаж.

Третья линия – пост без опознавательных знаков. Мужчины в идеальном костюме, ни одного лишнего движения, ни одного жеста приветствия. Глаза, как сканеры.

– Комната переговоров «Х». Прямо и налево.

Коридор был обшит тёмным деревом. На стенах – не картины, а патенты, сертификаты, разрешения, грамоты. История успеха, разложенная как музейное полотно.

Каждый шаг фиксировался. Он ощущал это кожей.

Комната «Х» открылась беззвучно.

Чёрный мрамор стола. Панорамное окно. Трое у стекла.

Первый – мужчина лет пятидесяти, без возраста на лице. Амит. Глава внутренней безопасности. Он не улыбнулся, не протянул руку.

– Мистер Петров. Мы ознакомились с вашим досье. Особенно нас впечатлила работа в Амстердаме... с чувствительными данными.

Вторая – женщина. Молодая. Хищно-острая. Прия. Ди-

ректор по IT. Она сразу разложила перед ним схему сети, не тратя время на вступления.

– Нам нужна абсолютная непроницаемость. Даже для наших же акционеров. Вы понимаете разницу между прозрачностью и контролем?

Третий сидел в углу. Молчаливый. С планшетом. Он не представился и не поднял головы.

Они говорили о потоках данных, о резервных контурах, о нагрузках. Но слова означали другое. Они обсуждали границы допуска, пределы лояльности, способы стирания следов.

– Вам будет предоставлен временный доступ уровня «Омега», – сказал Амит в конце. – Не злоупотребляйте. Наша система видит всё. Даже то, что не связано напрямую с серверами.

Это была прямая угроза.

– Я здесь, чтобы наладить систему, а не испытывать её, – спокойно ответил Артём.

Уходя, он краем глаза увидел на столе у молчаливого наблюдателя распечатку. Гостевой лист отеля. Его фамилия. И ниже – ещё одна:

Divya Raj.

Сердце сжалось не от чувств. От понимания.

Их знали. Его привели сюда не случайно.

Когда он вышел на улицу, жара ударила сразу, как физический удар. Но внутри стало холоднее, чем в мраморном лобби.

Он понял: его прошлое стало элементом переговоров.

Часть 2. Дивья.

Возвращение в клетку. Утро пришло не светом и не звуком будильника.

Оно пришло стуком в дверь.

Тихим, коротким, уверенным. Таким, от которого невозможно отмахнуться, даже если сделать вид, что спишь. В этом доме стук означал не просьбу – сигнал.

Дивья открыла глаза сразу. Сон ушёл мгновенно, будто его вырезали. Несколько секунд она лежала неподвижно, глядя в потолок, где сквозь полупрозрачные шторы проступал уже яркий, индийский день.

– Войдите, – сказала она ровно.

Дверь открылась беззвучно. Мехул. Личный ассистент отца. В руках новая папка, тоньше вчерашней, но от этого не менее тяжёлая.

– Ваш отец просил перенести завтрак на террасу. Он хочет обсудить субботу до встречи с дизайнером.

Он не задавал вопрос. Он передавал расписание.

Дивья медленно села, накинула на плечи халат. Босые ступни коснулись прохладного мрамора. Холод мгновенно поднялся по телу – приятный, острый, как напоминание, что она ещё жива.

На террасе стоял стол, накрытый на одного. Белоснежная

скатерть, фарфор, свежие фрукты, мед, серебряный чайник. Отец уже сидел за ноутбуком. Он не поднял глаз, когда она подошла.

– Вираджд будет здесь к шести, – сказал он, не отрываясь от экрана. – Его родители прилетают завтра. Я ожидаю от тебя определённого уровня вовлечённости.

Она налила себе чай.

– Какого именно? Улыбки? Или сразу изображать влюблённость?

Отец поднял взгляд. В его глазах не было гнева. Только усталое раздражение человека, которому мешают работать.

– Я ожидаю понимания. Этот брак – не каприз. Это структурное решение.

Он говорил о ней так, как говорил о заводах, платформах, логистике.

– Компания Вираджда создаёт систему отслеживания цепочек поставок лекарств по всему миру. Мы получаем её в управление. Ключ к управлению – ты.

Он произнёс это спокойно. Как технический факт.

– Поздравляю, – сказала Дивья. – Вы нашли идеальный способ монетизировать свою дочь.

– Я обеспечиваю её будущее!

Голос дрогнул лишь на мгновение. Очень коротко.

– Ты думаешь, мир держится на чувствах? Он держится на связях. На доверии, скреплённом контрактами. Любовь заканчивается. Бизнес – остаётся.

Он снова опустил глаза в экран. Разговор был закрыт.

В этот момент на террасу вышла мать. В руках у неё был поднос с фруктами. Дивья перехватила её взгляд – и впервые за долгое время увидела там не только покорность. Там был страх. И что-то ещё. Предупреждение.

– Я поговорю с Вираджем, – сказала Дивья.

Она сказала это не отцу. Она сказала это матери.

– Умная девочка, – отец не оторвался от экрана.

После этого день перестал быть днём. Он стал репетицией.

Свадебный планировщик. Каталоги тканей. Цветочные композиции. Меню, расписанное по минутам. Каждый её ответ уже существовал заранее.

– Ваш отец одобрил этот вариант.

– Семья Вираджа предпочитает золото.

– Это будет смотреться более статусно.

Примерка превратила её тело в манекен. Золотая парча давила на плечи. Ткань стоила как автомобиль. Вес символизировал цену.

PR-инструктаж был последним. Молодой человек с идеальной улыбкой рассказывал, как отвечать на вопросы о романтике.

– Акцент на инновации, будущее Индии, семейные ценности. Политику не трогать. Личное – только как легенду.

Она кивала. Она умела играть роли.

Переезд в Raj Tower был запланирован как «неформаль-

ная фотосессия». Панорамное стекло, офис отца на заднем плане, символ открытости и власти.

Пока фотограф настраивал свет, Дивья прошла к окну. Внизу, у служебного выезда, она увидела знакомый угол. Выгоревшую вывеску лавки с лаймами. Ту самую.

Сердце дёрнулось.

Она обернулась – и в эту же секунду её взгляд столкнулся с другим взглядом. Мужчину в чёрной рубашке вели к противоположному лифту охранники. Уставшее лицо, планшет под мышкой, взгляд направлен внутрь себя.

Мгновение.

Он скользнул по ней, не цепляясь за сари, за вспышки камер, за охрану.

Он смотрел сквозь.

И в этом взгляде было то же самое выжженное одиночество, которое она помнила с крыши. Не он. Не тот мальчик. Но та же пустота.

Фотограф позвал её по имени.

Она отвернулась.

Вечером она закрылась в комнате. Взяла книгу. Пальцы дрожали, когда она открыла её на случайной странице.

Первое знакомое слово ударило, как ток:

«Снег».

Она захлопнула томик и прижала ладони к лицу.

За дверью прошли шаги. Тяжёлые. Уверенные. Отец. Она застыла, как тогда, в детстве, когда нужно было не выдать

дыханием страх.

Шаги ушли.

Она медленно подняла голову. В комнате было тихо. Только кондиционер гудел ровно, как дыхание чужой системы.

Она подошла к витрине. За стеклом – ржавый болт. Единственная вещь в доме, не имеющая рыночной стоимости.

Медленно, как будто не решаясь, она открыла браузер.

В поисковую строку она ввела название той самой немецкой IT-компании.

Её палец повис над клавишей Enter.

Пару секунд она просто смотрела на это слово – как будто именно оно откроет не сайт, а дверь, из которой уже тянет дымом.

Она так и не нажала.

Она закрыла ноутбук. Не резко. Медленно. Как закрывают дверь в комнату, из которой уже пахнет опасностью.

Тишина в комнате была не пустой, а наполненной. Она состояла из гула кондиционера, далёкого гудка машины за окном и едва уловимого шороха за дверью. Кто-то всегда находился рядом. Не для помощи. Для наблюдения.

Дивья подошла к окну и раздвинула тяжёлую портьеру. Внизу, в саду, по чётко обозначенным дорожкам, патрулировал охранник с собакой. Не агрессивной, не лающей. Собакой-машиной, которая двигалась беззвучно, а её глаза в темноте отражали свет фонаря двумя зелёными точками. Пери-

метр. Это слово отец любил употреблять не только в отношении заводов.

Она отпустила ткань и повернулась к витрине. Болт лежал за стеклом, как насекомое в янтаре. Ископаемое свидетельство. Её бунт был законсервирован, изучен и помещён на полку. Урок для неё самой: смотри, во что превращается сила, направленная не по каналам системы.

Рука сама потянулась к стеклу. Она не хотела доставать болт. Она хотела ощутить барьер. Холодное, идеально прозрачное стекло. Преграда, которую не разбить, не сломать, не обойти. Её жизнь сейчас была таким же стеклом: всё видно, но ни до чего не дотронешься.

Вернувшись к столу, она взяла книгу. Не открывала. Просто держала в руках, взвешивая её плотность, шершавость обложки. Это был незаконный груз. Контрабанда памяти.

Если бы отец знал, что она не просто хранит этот «мусор», а иногда, в самые отчаянные ночи в Лондоне, заказывала себе чай с лимоном и, закрыв глаза, представляла, что это не лимон, а долька лайма с того самого рыночного ящика, а за окном – не английская морось, а тропический ливень, под который можно спрятать любой разговор... Он бы не понял. Он бы измерил это в единицах риска.

Риск – слабость.

Слабость – угроза.

Она положила книгу обратно.

Рядом с ней лежал телефон – чёрный, тонкий, холодный.

Инструмент связи, который на самом деле был инструментом контроля. Каждое её сообщение, каждый запрос проходили через фильтры. У неё был доступ в интернет, но не было доступа к нефильТРованной реальности.

Именно тогда пришло осознание – острое, как лезвие: чтобы выжить в этой клетке, нужно перестать пытаться вырваться из неё.

Нужно научиться использовать саму клетку.

Её правила.

Её инструменты.

Её слепые зоны.

Её взгляд снова упал на ноутбук.

За час до того, как Артём положил камень на клавиатуру, в серверных Raj Tower произошло незаметное событие.

Скрипт автоматического мониторинга, запущенный службой безопасности Амита, завершил ночной обход. Он сопоставил логи доступа к корпоративному порталу за последние сорок восемь часов. Большинство запросов слились в предсказуемые паттерны: сотрудники, подрядчики, аналитики.

Два запроса, выполненные с разных IP-адресов и под разными учётными записями, были отмечены системой жёлтым флагом – не нарушение, но «совпадение, требующее внимания».

Первый запрос: просмотр списка активных внешних подрядчиков проекта «Феникс».

Учётная запись: d.raј (гостевой доступ с низкими привилегиями).

Время: 22:47.

Второй запрос: глубокая проверка метаданных проекта «Narayana», включая поле «Санкционирующий».

Учётная запись: a.petrov (временный доступ «Омега»).

Время: 23:12.

Алгоритм не знал, что «d.raј» – это дочь владельца, воро-чающаяся без сна в своей комнате.

Он не знал, что «a.petrov» – это консультант в номере отеля, сжимающий в руке ледяной камень.

Для системы это были просто две метки, совершившие асинхронные, но тематически связанные запросы к защищённым данным одного конгломерата.

Они ещё не были в одном зале.

Их пока разделяли километры, протокол и десятки наблюдающих глаз.

Но в цифровой глине системы, в её сырых, неосмысленных данных, их цифровые тени уже столкнулись.

Алгоритм записал это совпадение в журнал с низким приоритетом и перешёл к следующей задаче.

На следующее утро отчёт о тысячах таких событий ляжет на стол Амиту.

Он, возможно, даже не заметит эту строчку.

Или заметит.

И тогда жёлтый флаг станет красным.

Пока же это знание принадлежало только бездушной машине.

И городу за окном, который, поглощая миллионы таких совпадений, медленно, неумолимо стягивал невидимые нити в узел.

...Спустя какое-то время она всё-таки снова открыла ноутбук.

На этот раз палец без колебаний нажал Enter.

Экран мигнул, будто задумался, стоит ли пускать её дальше. Потом посыпались ссылки – сухие, корпоративные, безликие. Пресс-релизы. Финансовые отчёты. Партнёрские соглашения. Лица людей в одинаковых костюмах с одинаковыми улыбками.

Она смотрела не на цифры. Она смотрела между строк.

Немецкая компания, аккуратная, как хирургический инструмент. Контракты с фарм-гигантами. Совместные проекты по инфраструктуре данных клинических испытаний. И – совсем недавно – соглашение с Raj Group.

Дата: десять дней назад.

Имя отца стояло под подписью.

Она закрыла ноутбук. Не резко. Медленно. Как закрывают дверь в комнату, из которой уже пахнет опасностью.

В этот момент телефон на тумбочке загорелся мягким холодным светом. Сообщение от Мехула:

«Завтра в 19:00 – приём. Присутствие обязательно. Дресс-код – формальный».

Она долго смотрела на экран.

Потом перевела взгляд на стеклянную витрину, на болт.

Потом – на книгу.

И только потом позволила себе лечь.

Артём не спал почти до рассвета.

Он лежал на спине, глядя в потолок, где тень от шторы на-
поминала карту незнакомого города. Внутри работала систе-
ма – не его персональная, а та, в которую он уже был втянут.

Он знал этот режим. Ожидание до включения миссии. Ко-
гда ты ещё формально свободен, но свобода уже аннулиро-
вана.

Утром он проснулся раньше будильника.

В семь ноль-ноль экран телефона загорелся сам.

Видеовызов.

Немецкий код.

Он принял, даже не меняя выражение лица.

На экране появился Клаус – его куратор. Без улыбки, без
предисловий.

– Ты внутри периметра?

– Да.

– Контракт активен.

– Я понял ещё вчера.

Клаус коротко кивнул.

– У тебя есть сорок восемь часов, чтобы полностью слить-
ся с инфраструктурой Raj Group. Дальше пойдёт грязный
слой. Туда ты полезешь только после нашего сигнала.

– Что за объект?

Клаус на секунду замялся. Это была плохая пауза.

– Проект «Nagaana». Исследовательский центр. Доступы клинических данных. Закрытый контур.

– Данные чего?

– Лекарств.

Артём усмехнулся уголком рта.

– Всегда чего-то очень дорогого.

Клаус посмотрел прямо в камеру.

– Там не только цифры. Там люди. Не привязывайся.

Связь оборвалась.

Артём несколько секунд смотрел на погасший экран. Потом сел, достал из чемодана камень. Положил его на ладонь. Холод мгновенно отдался в мышцы.

– Снег, – тихо сказал он в пустоту.

Вечер начался без заката.

В этом городе свет не уходил – его задавливала тьма неонов.

Raj Tower принимал гостей, как принимает организм – через фильтры.

Дивью одели молча. Волосы уложили молча. Украшения застегнули осторожно, будто она была не человеком, а экспонатом высокой ценности.

Мать стояла в стороне. Она не помогала. Она смотрела.

Когда Дивья застегнула браслет, её пальцы на секунду задержались. Очень коротко. Но мать увидела.

– Дыши ровно, – сказала она тихо. – Ты сильнее, чем он думает.

Это была первая фраза за годы, не продиктованная системой.

В лифте Дивья ехала одна. Зеркальные стены возвращали её взгляд. И он был другим. Не испуганным. Не покорным.

Собранным.

Артём прибыл как «приглашённый специалист». Его бейдж был другого цвета. Его не включали в круг. Его аккуратно держали на орбите.

Зал был залит золотым светом. Музыка звучала как дорогая тишина. Люди говорили не словами – статусами.

Он стоял у колонны. С бокалом воды. Без алкоголя.

И тогда он увидел её.

Не сразу. Сначала увидел движение в центре. Вспышки камер. Пауза в разговоре вокруг. Лёгкое смещение внимания всей системы в одну точку.

Потом – силуэт.

Золотое сари. Прямая спина. Взгляд, в котором не было покоя.

И всё внутри него оборвалось.

Это была она.

Не девочка с крыши.

Не девочка с рынков.

Не девочка с пеплом на лбу.

Это была женщина внутри власти.

Её провели к отцу. Он положил ладонь ей на спину – жест не заботы, а фиксации собственности.

В этот момент она подняла глаза.

Они встретились взглядом.

Мир не взорвался.

Он просто перестал быть шумом.

Они узнали друг друга мгновенно.

И так же мгновенно – не подали вида.

Это было самое тяжёлое движение в их жизни – ничего не сделать.

Виладж появился позже.

Без шума. Без эффектов. Системно.

Он подошёл к отцу Дивьи. Склонил голову. Потом перевёл взгляд на неё.

– Рад снова видеть вас, – сказал он ровно.

Потом его глаза скользнули по залу.

И на секунду остановились на Артёме.

Ни ревности.

Ни злости.

Только фиксация переменной.

Когда приём подошёл к кульминации, система сделала ход.

Артём вышел на балкон, чтобы вдохнуть воздух. Телефон в кармане завибрировал.

Сообщение. Без подписи.

«Вы проверены».

Он поднял голову.

Изнутри зала за стеклом на него смотрели сразу несколько камер.

В это же время Дивья снова сидела у себя в комнате.

Перед ней – ноутбук. Открытые вкладки. Корпоративный портал. Подрядчики. И фамилия. Петров. А.С.

Она сверила ещё раз. Ошибка была невозможна.

Она закрыла глаза. Потом открыла снова. И улыбнулась.

По-настоящему. Впервые за много лет. Артём в отеле смотрел в монитор.

Перед ним – расшифровка доступа. Проект: Narayana

Допуск: закрыт даже для «Омеги», санкционирующий: D.

Raj. Он

медленно положил камень на клавиатуру.

– Значит, всё-таки ты, – сказал он в пустой номер.

Система работала. Где-то подписывались контракты.

Где-то подбирали свадебные цветы. Где-то переписывались

протоколы шифрования.

А две цифровые метки – «Петров, А.С.» и

«Радж, Дивья» – пересеклись в её глубине. Для машины – обычная

строка данных. Для них – начало войны.

Глава 2. Дом, который душит

Часть 1. Завтрак

Завтрак в доме Раджей начинался в восемь. Всегда в восемь – как деловое совещание, только с фарфором и серебром.

Слуги расставляли тарелки так тихо, будто пытались не тревожить сам воздух. Запах жасмина из внутреннего сада смешивался с ароматами тоста, карри и горячего чая масала. Всё было красиво, ровно и правильно – до такой степени, что правильность становилась удушливой.

Дивья вошла в столовую ровно в 8:00. Ни минутой позже, ни раньше – здесь время было частью дисциплины.

Отец сидел во главе стола – костюм цвета утреннего кофе, поза идеальная, взгляд направлен куда-то поверх тарелок, туда, где у него располагалась собственная сеть решений. Мать – на два стула дальше, в безупречном сари, лица почти не видно: она держалась в той идеальной тени, которую женщинам этой семьи позволяли занимать.

Никто не спрашивал, как она спала. Никто не интересовался её самочувствием. В семье Раджей разговоры были не про чувства – разговоры были про функции.

Отец поднял глаза, когда она села.

– На этой неделе: дизайнер, ювелир, стилист. В субботу – благотворительный вечер. Через две недели – ужин с Сингами. Я ожидаю, что ты будешь готова.

Тон – сухой, деловой. Тот самый тон, которым он подписывал контракты. Тон, означающий: твои эмоции не имеют веса, твои слова не имеют категории бюджета.

Дивья сделала глоток чая, чтобы выиграть секунду.

– Я хочу работать, – сказала она ровно. – В компании. В аналитике. У меня MBA, и я хочу применять его, а не...

– У тебя уже есть расписание, – перебил он мягко, даже почти ласково. – Оно согласовано на месяц вперёд.

Вот оно – главное оружие этого дома. Не крик. Не давление. Спокойствие. Непоколебимая логика структуры, где всё уже решено.

Дивья поставила чашку.

– Меня не включили в список кандидатов. Хотя я подала заявку.

Отец смотрел на неё так, будто видел не человека, а строку в финансовом отчёте, требующую корректировки.

– Ты не кандидат. Ты – представитель семьи.

«Представитель». Не личность. Не профессионал. Фасад – внешний слой, вызывающий доверие. И страх.

– Папа, мне двадцать шесть. Я могу принести компании реальную пользу.

Он ухмыльнулся уголком губ: не зло, но снисходительно.

– Женщина должна выбирать, куда направить силы. Ты направишь их в брак. Это выгоднее.

– Для кого? – спросила она.

– Для всех, – ответил он без намёка на сомнение.

Мать чуть сжала салфетку. На секунду пальцы побелели – единственная эмоция, на которую она себе позволяла реакцию.

– Вирадж – сильный союз. Его семья контролирует половину полиции. В мире, где склады горят, а инспекторы приходят по заказу конкурентов, нам нужен человек внутри системы. Его влияние – твоя защита.

– Я не люблю его.

– Это неважно, – сказал отец. – Любовь – слабый аргумент в большой игре.

Она усмехнулась тихо.

– Для кого неважно?

– Для мира, – ровно ответил он. – Взрослый мир держится не на любви, а на балансе сил.

Она почувствовала, как внутри всё поднимается – не злость, не обида, а ясное понимание: отец не жестокий. Он – система. Он – логика. Он живёт в реальности, где чувства – ошибка в расчетах.

– У меня диплом, опыт, проекты...

– И всё это – украшение, – мягко сказал он. – Ты красива, умна и воспитана. Но твоя главная роль – быть лицом семьи. Лицо не должно иметь собственных мыслей. Лицо должно

вызывать доверие. И уважение. И... здоровый страх.

Он сделал паузу.

– Так мы выживаем.

Тишина опустилась на стол, как скатерть. Тяжёлая, выглаженная, неизбежная.

Мать отвела взгляд. Слишком быстро. Слишком заметно.

Ей было больно это слышать. Дивья это увидела.

Но мать не могла заступиться. Она давно знала цену непослушания.

– Мама? – тихо спросила Дивья. – Ты согласна?

Мать открыла рот... но отец посмотрел на неё – и она закрыла его снова.

И сказала:

– Иногда лучше принять то, что нельзя изменить.

Это был не совет. Это была просьба. О выживании.

Дивья встала.

– Я пойду в сад.

Она почувствовала взгляд отца, когда проходила мимо. Спокойный. Расчётливый.

– Мы выбрали для тебя лучшее, – сказал он тихо. – Ты поймёшь это позже.

Эта фраза резанула сильнее любого окрика.

А затем – ультиматум, произнесённый почти деловым голосом:

– У тебя восемнадцать дней. Чтобы сделать правильный выбор.

Он ушёл.

Мать осталась сидеть – идеально прямая, как статуя, которую забыли оживить.

Тишина снова стала нормальной. Но теперь в ней появилась трещина.

Она вышла в коридор и почувствовала, как воздух здесь меняется. Он был прохладным, очищенным, но не свежим – словно в помещении, где постоянно держат окна закрытыми ради видимости порядка.

Она шла медленно, не думая, куда идёт – её вела интуиция, то самое чувство, которое запрещали, как неэффективную стратегию.

Дом был прекрасен. Белый мрамор, резные колонны, картины в дорогих рамах. Каждый сантиметр – демонстрация благополучия.

И именно поэтому каждый сантиметр – напоминание о статусе. О контроле. О том, что красота здесь – валюта власти.

Она открыла дверь в сад.

Там было солнечно. Тепло. Все идеально подстрижено, ухожено, симметрично.

Красота, доведённая до такой чистоты, что становилась жестокой.

Мать нашла её там, на мраморной скамье.

– Ты не должна была говорить так резво, – сказала она

мягко.

– А что я должна? Молчать? Улыбаться? Подписывать свою судьбу чужими руками?

– Ты должна выжить, – сказала мать. – А выживание требует уступок.

Дивья повернулась к ней.

– Что случилось с Викасом?

Пальцы матери дрогнули.

– Он... хотел открыть студию. Сказал, что искусство – это его жизнь. Он пытался выйти из системы. А система... закрыла за ним все двери. Друзья отвернулись. Заказы исчезли. И потом... он исчез.

– Отец сказал, что он уехал.

– Не ищи его, – прошептала мать. – Не спрашивай.

Слёзы выступили на глазах матери, но она сдержала их, как сдерживала себя всю жизнь.

– Дивья... ты умная. Красивая. Сильная. Но в этом доме сила – роскошь. Ты должна быть осторожной. И не повторить его ошибки.

– Значит, мне нужно молчать? Принять всё?

– Иногда покорность – единственный способ остаться живой, – сказала мать.

Эти слова не были трусостью. Это была память. Память о брате. О том, как система уничтожает тех, кто не подходит под её логику.

Вечером Дивья решила проверить границы.

Не бунт. Не побег. Эксперимент.

Она надела лёгкую куртку, взяла ключи. Делала всё размеренно, спокойно – как человек, который хочет проверить, какую роль ему отводят: взрослой женщины или контролируемого имущества.

Она прошла в холл. Охранники у двери выпрямились.

– Я выйду ненадолго, – сказала она.

Слова были простыми. Но воздух после них стал плотнее.

– Приказ, мисс Радж, – сказал один из охранников ровно.

– После восьми вы не можете покидать территорию без сопровождения.

– Это новый приказ?

– Да, мисс.

– Чей?

– Дома.

"Дома". Не "отца". Не "семьи". Системы.

– Я выйду на пять минут, – повторила она.

– Вам нельзя, мисс.

Он не грубил. Он не спорил. Он просто был частью архитектуры.

Как мрамор. Как камеры. Как правила.

И в этот момент Дивья впервые увидела дом таким, какой он был.

Не красивым. Не богатым. Не любящим.

Контрольно-пропускным пунктом.

Фортификацией, где она – ценный актив, который нельзя отпускать без приказа.

Она развернулась.

Медленно, спокойно.

Зашла обратно в холл.

Тяжёлая дверь закрылась за ней с глухим щелчком. Не резким, не страшным – просто окончательным.

И воздух внутри показался ей не просто тёплым. Он был использованным. Будто им дышали до неё десятки тех, кто тоже хотел выйти – и не смог.

Она остановилась у лестницы.

Впервые за долгое время она поняла: она не защищена. Она заключена.

И это осознание не испугало её – оно собрало её внутри.

Потому что в семье Раджей нет места свободе. Но есть место выбору.

И она только что сделала первый маленький выбор:

Заметить свою клетку. Увидеть её. И никогда не забывать её форму.

Она стояла у лестницы дольше, чем собиралась. Не потому что не знала, куда идти – наоборот, она знала слишком хорошо. В этом доме маршруты были ограничены, как в дорогом, но строгом отеле: столовая → холл → кабинет отца → сад → комнаты.

И среди всех этих мест не было ни одного, где можно было бы остаться собой.

Иногда ей казалось, что дом дышит вместе с ней. Что стены слегка подаются, когда она делает вдох, и снова сжимаются, когда она выдыхает. Не угрожая – напоминая.

«Ты здесь. Ты внутри. Это – твоя форма.»

Она провела рукой по перилам. Холодный металл был идеально гладким, как будто его полировали каждое утро. Слуги действительно полировали. Но ощущение было не от работы слуг – от того, что здесь не бывает шероховатостей. Ни на вещах. Ни на людях.

Наверху коридор был пуст, но непустые вещи чувствовались ярче, чем люди. Портреты предков – мужчины с жесткими линиями лиц, женщины с глазами, в которых читалась сдержанная боль. Как будто каждое поколение оставляло здесь свою долю несказанного. Каждое – своё предупреждение.

«Не пытайся быть другой в доме, который создан для одинаковых.»

Так смотрели на неё эти лица.

Она остановилась перед портретом прадеда. Он был чем-то похож на отца: та же прямота, та же тихая уверенность. История говорила о нём как об успешном промышленнике. Семейные легенды – как о человеке, который никогда не повышал голоса, но мог одним взглядом заставить отступить любого чиновника.

Сила без движения. Власть без громкости.

Ровно такой была атмосфера дома. Громкость здесь счи-

талась признаком слабости.

Она поймала своё отражение в стекле рамы. Лицо – ровное. Глаза – слишком спокойные. И только одна деталь – чуть дрогнувший уголок губ – выдавала состояние.

Не страх. Не ярость. Предчувствие.

Она продолжила идти.

Комнаты на втором этаже были закрыты – каждая дверь аккуратно выровнена, каждая створка идеальна, как будто дом следил за симметрией так же, как отец – за репутацией.

Её собственная комната встретила тёплым светом лампы у кровати. Слуги уже были здесь – привели всё в порядок, разложили вещи, развесили сари по оттенкам, приготовили украшения на вечер.

Система обслуживания работала безошибочно. В этом доме всё делалось заранее: ещё до того, как ты подумаешь, тебе уже подготовили место для этой мысли.

Прекрасно. Удобно. Невыносимо.

Она сняла серьги, положила на столик. Тонкие, золотые, с маленьким бериллом. Подарок отца на прошлый день рождения.

Тогда она ещё надеялась, что подарок – знак доверия. Теперь она видела: подарок был знаком контроля.

Голова немного болела – не от ссоры, от тишины. Тишина давала слишком много места мыслям.

Она закрыла глаза и услышала:

«Ты – лицо семьи. Лицо не должно иметь собственных

мыслей.»

Лицо. Не человек.

Она медленно опустилась на край кровати, потерла виски. Ей хотелось плакать – но не получалось. Плакать можно, когда чувствуешь боль. Сейчас она чувствовала пустоту, натянутую, как струна.

В дверь тихо постучали.

Она даже не удивилась – никто в этом доме не стучал громко.

– Войдите.

На пороге стояла слуга – девушка лет двадцати, худенькая, с опущенными глазами.

– Мисс Радж, – сказала она тихо. – Господин велел передать расписание на три недели вперёд.

Три недели. Не «пока она думает». Не «пока не решит».

РАСПИСАНИЕ.

Словно решение уже принято.

Девушка протянула планшет. Руки её дрожали еле заметно.

Дивья взяла документ. Пальцем пролистала:

– примерка украшений, – тренировка речи перед ужином, – уроки танцев, – встреча с психологом, – благотворительный ужин, – вечер с Сингхами, – ужин с Вираджа и его матерью, – подготовка к помолвке.

Слово «помолвка» было выделено цветом.

Красным.

Как будто это не событие, а маркер опасности.

– Спасибо, – сказала она.

Слуга кивнула и уходила – но перед дверью остановилась.

Оглянулась.

– Мисс... если позволите...

Это уже было нарушением правил.

– Да?

Слуга посмотрела в пол.

– Будьте осторожны.

Дивья подняла бровь.

– Почему?

– Потому что... – девушка сжала руки. – В этом доме женщины исчезают не физически. Сначала перестают говорить. Потом думать. Потом... – она сглотнула. – Потом живут так, как будто их никогда не было.

Эти слова были смелее, чем всё, что Дивья слышала за последнее время.

Но слуга добавила, почти шёпотом:

– Я видела такое. С матерью. С сестрой. С... – она осеклась.

И ушла.

Дивья стояла неподвижно.

Слова слуги разошлись по коже мурашками. Редко в этом доме кто-то говорил правду. Ещё реже – правду, которую нельзя спрятать под ковёр.

Она вернулась к кровати, присела, и впервые за день по-

чувствовала... не ярость, не страх, а сопротивление.

Оно не было громким. Не было вспышкой. Оно было тихим, как глубокий вдох перед прыжком.

Она открыла планшет ещё раз. Посмотрела на расписание.

Потом нажала на верхнюю строку – «установка дня».

И выбрала: «ОТКЛОНИТЬ ВСЕ»

Планшет мигнул.

Ошибка. Доступ ограничен.

Она усмехнулась.

Конечно.

Она положила устройство на кровать, встала, подошла к зеркалу.

Посмотрела на себя так внимательно, будто видела впервые.

В отражении была красивая женщина: ухоженная, спокойная, благополучная. Та, которую все видят. Та, которой разрешается быть.

Но между ресницами, в небольшом блеске глаз – что-то другое.

Живое. Упрямое. Опасное.

Форму можно удержать. Мысль – нет.

Она наклонилась ближе к зеркалу.

Шёпотом сказала себе:

– Они хотят лицо. Но у лица есть мозг.

Эта маленькая фраза прозвучала как обещание. Как пер-

вая невидимая трещина в фундаменте дома.

Внизу что-то щёлкнуло. Возможно, дверь, возможно, сигнализация. Но Дивья не вздрогнула.

Она уже привыкла к тому, что каждый звук в этом доме – часть наблюдения.

Она села за стол, открыла ноутбук. Сделала вид, что работает – но на самом деле думала. Считала. Сопоставляла.

МВА давал ей инструменты. Жизнь – мотивацию. Отец – объект анализа.

Дом – систему, в которую она встроена.

Но каждая система имеет уязвимость, если смотреть достаточно внимательно.

И она собиралась смотреть.

Очень внимательно.

Впервые за долгое время она чувствовала не только давление, но и интерес.

Не разрушить систему. Нет. Это было бы наивностью.

Но понять её. Найти в ней пустоты. Щели. Невидимые зоны.

Единственным врагом системы является информация.

А единственным её победителем – тот, кто умеет думать вне её правил.

Она поднялась. Бросила последний взгляд на коридор.

И спустилась вниз – не для того, чтобы выйти, а для того, чтобы запомнить каждый угол этого дома, как запоминают карту заключения.

Потому что свобода начинается не с двери.

Свобода начинается с понимания её отсутствия.

И сегодня она впервые это поняла. Она медленно шла по коридору, не спеша и не торопясь – так, как ходят не для того, чтобы куда-то прийти, а чтобы ощутить пространство. Дом казался чуть более живым, чем полчаса назад. Или, возможно, это ожила она сама – и теперь чувствовала его иначе.

Лестница вела вниз к холлу. Пол – белый мрамор, гладкий, тяжёлый. Под каблуками звук был мягким, будто проглушённым – как будто дом не любил громких шагов и умел их гасить заранее.

Она опиралась рукой на перила. Металл был холодным, но в этом холоде было что-то утешающее: по крайней мере, металл не притворялся.

По пути она заметила слугу, который протирал стеклянную витрину с серебром. Он делал это медленно, тщательно, как будто от этого зависела его жизнь. Может быть – зависла.

Он увидел её – и сразу отвёл взгляд. Слишком быстро. Слишком резко.

В этом было что-то знакомое. Так же отворачивались глаза одноклассников, когда учитель заходил в кабинет: из уважения, которое было страхом.

– Доброе утро, мисс, – пробормотал слуга.

– Доброе утро, Раджив.

Он замер, едва заметно удивившись, что она помнит его

имя. Но через секунду снова опустил голову, будто память – непозволительная роскошь.

– Вам что-то нужно? – спросил он тихо.

– Нет. Просто иду.

Он кивнул, но она почувствовала – за этой тишиной скрывается больше. Когда люди боятся даже собственных слов, это значит одно: в доме не принято говорить. Принято подчиняться.

Она вышла на второй балкон – небольшой, но с идеальным видом на сад. Солнце поднималось над крышами соседних вилл, и свет падал ровно на линию бассейна, превращая воду в голубое стекло.

Красиво. Бесконечно, болезненно красиво.

И именно поэтому – тоскливо.

Красота без свободы пахнет не жасмином. Она пахнет золотой клеткой.

Она прислонилась к перилам. Сад внизу жил своей жизнью: садовники поливали клумбы, охранники обходили периметр. Каждый в своём костюме, в своей роли, в своей маленькой клетке.

Она вдруг поняла: здесь нет человека, который бы жил просто потому что живётся. Всё – цель. Всё – функция. Всё – расписание.

Внизу прозвенел телефон охранника. Он отошёл к углу, чтобы ответить.

Дивья уловила несколько фраз:

– Да, сэр... – Нет, сэр, госпожа не выходила... – Да, я понимаю... – Конечно, сэр. Мы наблюдаем.

«Мы наблюдаем.»

Не «мы охраняем». Не «мы помогаем». А наблюдаем.

Она почувствовала, как под ложечкой становится холодно. Но это был не страх. Это было узнавание. Мир отца был не жёстким – он был тотальным.

Её телефон в кармане коротко вибрировал.

Сообщение. Она достала его. Открыла.

Вирадж: «Доброе утро. Сегодня мы с матерью выбираем цвет тканей для свадьбы. Мама говорит, тебе подойдёт бордо. Подтверди?»

Без приветствия. Без вопросительного знака. Без сомнения в том, что это – факт, который она должна подписать.

Она смотрела на экран несколько секунд. Слова были мягкими. Но смысл – твёрдым.

Церемонии уже готовятся. Её участие в этих приготовлениях – не нужно. Её присутствие – формальность.

Её жизнь – тоже.

Она вздохнула и закрыла телефон. Не ответила. Ответ означал бы согласие, а молчание – тоже согласие. В этом доме даже отсутствие действий работает на систему.

Она развернулась, вошла обратно в коридор и остановилась у одного окна. Отсюда был виден край гаража. Почти никто сюда не смотрел – зона хозяйственная, малоинтересная.

Но для неё это место было особенным. Там когда-то играл Викас. Там он рисовал на дверях свои смешные граффити. Там он говорил, что дом слишком красив, чтобы быть настоящим.

В последнюю неделю перед исчезновением он подолгу сидел в гараже и рисовал. Она тогда думала, что он просто переживает очередной творческий кризис.

Теперь она понимала: он пытался найти место, где можно было дышать.

Она закрыла глаза, вспоминая его смех. Он был мягким, как будто он смеялся только половиной голоса – чтобы не потревожить их мать. И чтобы не привлечь внимание отца.

«Он был слишком добрым, – подумала она. – Система не любит добрых. Она любит удобных.»

Когда она открыла глаза, в зеркальном отражении стекла увидела своё лицо. Те же черты, что у матери. Та же линия подбородка, что у отца. И глаза – Викаса.

Глаза, которые не умели молчать. Даже когда рот молчит годами.

Она подошла к двери своей комнаты, открыла шкаф. Перебирала вещи – роскошные сари, платья на приёмы, украшения. Всё подобрано стилистом, всё безупречно.

И ни одной вещи, которую выбрала бы она сама.

Она сняла одно из платьев – лёгкое, кремовое, с золотой вышивкой – и повесила его на вешалку перед собой. Посмотрела.

Красиво. Но она не видела в нём себя. Она видела ожидание. Ожидание быть красивой, спокойной, безмятежной.

Она медленно погладила ткань. Эта гладкость была как тишина за завтраком: безукоризненная, но не её.

Сзади снова раздался звук – тихий, короткий, ритмичный. Сообщение на планшете. Она обернулась.

Экран мигнул, и появилось уведомление от секретаря отца:

«Подтвердите участие в фотосессии для журнала ‘Families of Karnataka’. Тема: ‘Сильные мужчины и их вдохновляющие жёны/дочери’. Дата: согласована.»

Она выдохнула.

Смех поднялся где-то внутри, но не вышел наружу. Смех был бы слабостью. А слабость – роскошью.

Она подошла к зеркалу снова. Посмотрела прямо в глаза своему отражению.

– Я ещё здесь, – сказала она тихо. – И пока я здесь... вы не выиграли.

Это был не вызов. И не обещание. Это было констатацией факта, факта, который давал ей больше силы, чем любые слова отца.

Дивья провела рукой по волосам, убрала выбившуюся прядь, и в этот момент услышала:

– Мисс? – голос слуги снова за дверью, осторожный, как шаг по стеклу. – Всё в порядке?

Ей захотелось сказать: «Нет.» Хотелось сказать: «Я тону

в тишине, которая давит как океан.» Хотелось спросить: «Сколько ещё женщин ты видел, которых дом проглотил молча?»»

Но она сказала:

– Да. Всё хорошо.

Потому что в этом доме настоящие слова произносят в одиночестве.

Слуга ушёл, оставив её снова в тишине – но эта тишина уже не была такой, как утром. Она была... наполненной. Живой. Движущейся.

Потому что осознание – это первый шаг к свободе.

Она подошла к окну, отодвинула тяжёлую штору. Сад утопал в золотом свете. На ветвях сидела птица – маленькая, яркая. Она смотрела на дом так, будто знала, что ей отсюда улететь можно в любую секунду.

А Дивья – нет.

Но это сравнение почему-то вызвало у неё не боль, а внезапную внутреннюю улыбку.

Птицы не знают о клетках. А люди – знают.

И раз она знает, значит... клетка уже дала трещину.

Она опустила штору. Сделала глубокий вдох.

– Хорошо. Тогда я тоже начну смотреть.

Это был первый шёпот будущей войны. Не громкой. Не быстрой. Но войны за себя.

Она вышла из комнаты. Закрыла дверь. И впервые за долгое время шла не как дочь, не как лицо семьи.

А как человек, который знает: выживание – это не покорность.

Выживание – это наблюдение. Чтение. Оценка. И тихое решение, сделанное внутри.

И это решение у неё уже было.

Часть 2. Мятеж в тишине

Утро прошло в попытках отвлечься. Дивья пыталась работать – открывала таблицы, графики, заметки своих университетских проектов. Но каждое число, каждая формула выглядели как пустые оболочки. Мозг работал – сердце нет.

Дом шумел по-своему: где-то гремела посуда, где-то шёлестели сари, кто-то проходил по коридору слишком быстро, кто-то – слишком тихо.

Дом всегда жил так, будто в нём есть две жизни: одна – официальная, на виду, другая – между строк, между шагов, между вдохов.

Дивья поймала себя на том, что прислушивается к звукам. Это было странно – раньше звуки были фоном. Теперь каждый казался сигналом.

Через час пришло сообщение от секретаря:

«Госпожа Радж, в 12:00 к вам приедет стилист. Подготовка к вечеру.»

Вот и началось.

Слово «подготовка» в этом доме означало не «помощь»,

а «корректировка». Коррекция формы, выражения, образа. Жизни.

Она долго смотрела на сообщение, будто оно могло само растолковать, кто она теперь – человек или проект.

В 11:58 дверь её комнаты открылась без стука. Конечно – здесь никто не стучал, если входил по указанию отца.

– Мисс Дивья? – голос был высокий, натренированный, как у телеведущих. – Я Аша, ваш стилист на ближайшие недели.

В комнату вошла женщина в идеально выглаженном костюме, с планшетом и рулеткой, которой обычно пользуются портные. За ней – двое ассистентов с чемоданами.

– Мы сегодня примерим несколько силуэтов, – сказала Аша так, будто речь шла о строительных конструкциях. – У господина Раджа есть предпочтения.

Вот это было ново. У отца всегда были предпочтения – в бизнесе, в партнёрах, в поведении. Но теперь – и в её теле.

– Какие? – спросила Дивья, хотя заранее знала, что ответ ей не понравится.

– Минимум кожи, максимум структуры. Чтобы внушать доверие и статус, но без излишней мягкости.

То есть – «не женственной». То есть – «удобной».

Аша провела ладонью по ряду платьев в её шкафу.

– Всё это – слишком личное. Нам нужно собрать образ, который будет... универсальным. Чтобы каждая женщина в

штате хотела быть вами, а каждый мужчина – уважал.

Дивья чуть улыбнулась.

– Уважал? За что?

Стилист не поняла сарказма.

– За правильный образ, мисс. Вы же будущая Радж-Сингх.

Образ создаёт статус. Статус создаёт власть.

«Власть создаёт клетку», – подумала она, но вслух не сказала.

Её поставили на центр комнаты. С неё сняли украшения. На неё примеряли одно платье за другим – тёмно-синее, изумрудное, бордо, золото.

Материя холодила кожу. Ассистенты говорили шёпотом, словно обсуждали технический объект.

Аша крепила серьги, браслеты, подвешивала цепочки так, будто её шея – витрина. Потом подняла волосы вверх – одним движением, уверенным, привычным, почти деловым.

– Так лучше, – сказала она. – Видно линию шеи. Сильная линия – сильная женщина.

Дивья посмотрела в зеркало.

Она увидела отражение. Красивое. Дорогой журнал бы одобрил.

Но это была не она. Это была конструкция.

– Мисс, – продолжила Аша, – вечером будет небольшой ужин. Госпожа Сингх хочет познакомиться ближе.

Дивья обернулась.

Имя прозвучало как команда.

– Сегодня?

– Конечно. Это важно. Она хочет убедиться, что вы понимаете ответственность предстоящего союза.

«Ответственность» – в их языке означало «послушание».

– И господин Вирадж тоже будет? – спросила она.

– Да. Он уже подтвердил. Очень волнуется.

«Волнуется»? Она хмыкнула.

Вирадж не умел волноваться. Он умел только контролировать.

В 17:00 дом стал другим. Не физически – энергетически.

Когда приезжали гости уровня Сингхов, дом переходил в режим парадности: шторы открывали, воду в фонтане включали, служанкам меняли украшения, охрана удваивалась.

Дивья наблюдала из окна своей комнаты, как всё превращается в театр.

На площадке перед домом стояли две охранные машины. У ворот сустились двое сотрудников безопасности. Слуги расставляли лотосы в вазах у лестницы.

Она видела, как мать нервно поправляет сари. Как отец отдаёт короткие распоряжения. Как дом снова становится витриной – не семейной, а политической.

Появился резкий, пронзительный звук – мигнул свет, камеры повернулись, две машины въехали на территорию.

Первыми вышли охранники – проверили периметр, двери, площадку. Только потом – она.

Мать Вираджа. Госпожа Сингх.

Женщина, которая умела входить так, будто ступает по красной дорожке даже ночью, даже одна, даже если никто не смотрит.

Сари бордового цвета стекало по ступеням, как вино по стеклу. Украшения звенели тихо, дорого, уверенно.

За ней вышел Вираджд. Высокий. Спокойный. В костюме, который стоил, вероятно, столько, сколько маленький дом в соседнем квартале.

Он увидел Дивью взглянул вверх к окнам – и улыбнулся.

Улыбка была красивая. Безупречная. Как у человека, который привык, что мир ему отвечает тем же.

Дивья отошла от окна.

Ей не хотелось, чтобы он видел, что она смотрит.

Лёгкие снова стали тесными.

– Дивья? – голос матери. – Они уже здесь.

Она обернулась.

Мать стояла в дверях, тонкая, как тень на стене.

– Ты готова?

Готова. Слово, в котором нет ни одного оттенка свободы.

Она кивнула.

Мать подошла ближе, поправила волосы дочери – нежно, бережно, но руки её дрожали.

– Помни: здесь важны не только слова. Здесь важны паузы. Взгляд. Наклон головы. Ты должна быть мягкой – но

не слабой. Спокойной – но не холодной. Улыбаться – но не слишком широко...

– Мама, – тихо сказала Дивья. – Я не презентация.

Мать посмотрела ей в глаза. И на секунду в её взгляде мелькнуло что-то похожее на отчаяние.

– Дорогая... в этом доме – все презентации.

Они спустились вниз. Слуги распахнули двери.

Госпожа Сингх повернулась к ней. Улыбнулась – медленно, оценивающе.

– Ах, вот она, – сказала она. – Наша будущая дочь.

Эти слова прозвучали не как радость. Как факт. Как метка.

Вираджд подошёл ближе.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказал он. – Это платье тебе очень идёт.

Она слегка кивнула – не потому что хотела, а потому что так учили.

Он взял её руку – уверенно, как будто она уже принадлежит ему.

Маленькое, короткое прикосновение. Пальцы холодные. Не от погоды – от контроля.

Она почувствовала, как внутри поднимается сопротивление. Тихое. Упрямое.

– Пойдём? – спросил он.

Она кивнула, но в груди что-то щёлкнуло – тот же звук,

что в двери закрытой клетки.

Столовая была освещена мягким золотым светом. На столе – хрусталь, серебро, тонкие бокалы. Повсюду – ощущение денег, власти, демонстрации силы.

Госпожа Сингх села во главе стола, будто это её дом. Отец – напротив. Мать – справа. Дивья и Вираджд – по центру.

– Мы так рады, что наконец познакомились ближе, – начала госпожа Сингх.

«Мы» – в этой семье означало «Я».

– Ваши родители много рассказывали о вас. Особенно о ваших успехах, – добавила она, глядя на Дивью так внимательно, будто оценивала товарный ряд.

– Благодарю, – ровно сказала Дивья.

– МВА в Лондоне – это впечатляет. Но... – госпожа Сингх наклонила голову, – надеюсь, вы понимаете, что после свадьбы темп жизни будет другим. Не таким... напряжённым.

«Напряжённым» = профессиональным. «Другим» = ограниченным.

– Конечно, – сказала Дивья. – Семья – это ответственность.

Слова были правильные. А вот взгляд – нет. Сингх это заметила.

– У вас сильный характер, – сказала она. – Это хорошо. Но иногда... женщина должна быть мягче, чтобы мужчина мог быть сильнее.

Это прозвучало как урок.

Вираддж улыбнулся.

– Мы отлично дополняем друг друга, – сказал он, сжимая пальцы Дивьи под столом.

Она не дрогнула. Но внутри что-то холодное прошлось по коже.

И именно в этот момент – когда стол гудел от светских реплик, мать Сингх рассказывала о благотворительности, отец говорил о новых партнёрствах, а Вираддж держал её руку так, будто проверял пульс, – она услышала звук.

Окно на террасе открыли. Прошёл лёгкий ветер. И с ним – шум со двора.

Голос. Мужской. Непривычный этому дому.

– Простите, я ищу мистера Раджа... Я водитель привёз документы...

Голос был тихим, но знакомым. Чертовски знакомым.

Так знакомым, что сердце пропустило удар.

А потом – ещё один.

Она повернула голову – почти незаметно. На террасе стоял мужчина.

Свет падал так, что она видела только силуэт – высокий, в темной рубашке, усталый, но в осанке была та самая мягкая прямота, которую она помнила очень давно.

Призрак. Воспоминание. Нет – человек.

Артём.

Он не увидел её. Он говорил со слугой, чуть нахмутив

брови, как делал в детстве, когда не понимал акцента.

У неё перехватило горло. Как будто весь дом, вся его тяжесть, всё давление – на секунду перестали существовать.

Он здесь. Он настоящий. И он стоит в доме, где она давно перестала быть собой.

Мать Сингх продолжала говорить. Отец продолжал поддерживать светский разговор. Вирадж всё ещё держал её руку.

А мир в этот момент – разделился.

На «до». И «после». Он стоял в проходе, чуть поодаль от света, и всё равно она узнала его. Даже если бы лицо скрывала тень, было бы достаточно того, как он держится: как будто готов развернуться и уйти в любую секунду, но в то же время – не прячется.

Она почувствовала, как пальцы Вираджа сильнее сжали её руку под столом.

– Всё в порядке? – вполголоса спросил он, наклонившись ближе. – Ты побледнела.

– Всё нормально, – ответила она автоматически.

Ни один мускул на её лице не дрогнул. Тренировки в этом доме были не только по этикету – по самообладанию тоже.

Слуга на террасе что-то объяснял на каннада, Артём кивал, но иногда всё-таки сбивался на английский:

– ...documents from the warehouse... yes, I can wait here... no problem...

Госпожа Сингх продолжала говорить:

– ...мы думаем расширять сеть благотворительных фондов. Мир должен видеть, как наши семьи заботятся о городе. Люди... любят истории о сильных мужчинах и женщине рядом, которая даёт им опору...

Эта фраза прошла мимо сознания Дивьи. Она слышала не слова – звук того, как Артём ставит ударения, слегка не так, как местные. Ухо узнаёт раньше, чем мозг успевает запретить.

Отец повернул голову в сторону террасы.

– Кто там? – спросил он, не повышая голоса.

Слуга сразу выпрямился.

– Водитель, сэр. Привёз документы. Я сказал ему подождать внизу.

– Пусть оставит у приёмной, – сказал отец. – И уезжает. Сегодня дом занят.

«Дом занят.» Не «мы». Не «у нас гости». Дом как отдельный организм, который иногда отталкивает тех, кто сюда не вписан.

Артём кивнул, что-то ответил и исчез из поля зрения.

На секунду ей показалось, что он всё-таки задержал взгляд – не на ней, а на общем плане комнаты. Как человек, который оценивает пространство, запоминает дверь, окна, лестницу. Это всегда было в нём: он запоминал маршруты быстрее всех.

– Дивья? – голос госпожи Сингх вернул её за стол. – Вы задумались.

Она подняла глаза, мягко улыбнулась, как её учили.

– Просто думаю о том, что вы сказали. О благотворительности.

– И что же? – заинтересованно спросила Сингх.

– Что люди любят не только истории о сильных мужчинах, – сказала Дивья. – Им ещё нужны истории о женщинах, которые выжили рядом с ними.

Отец чуть двинул бровью – едва заметно, но она это увидела. Госпожа Сингх коротко рассмеялась:

– О да. Вы будете интересной фигурой в нашем кругу.

«Фигурой.» Не человеком.

Ужин тянулся долго. Слишком много тостов, слишком много намёков, слишком много фраз, в которых «союз» звучал чаще, чем «семья».

В какой-то момент разговор перешёл на безопасность.

– Сейчас такие времена, – говорила госпожа Сингх, – нужны люди, которым можно доверять. Водители, охрана, курьеры... Слышала, у вас новый подрядчик по логистике?

– Да, – кивнул отец. – Русский парень. Говорит на местных языках, быстро ориентируется, не задаёт лишних вопросов. Пока меня устраивает.

Это прозвучало как удар.

«Русский парень.»

Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Но видимый мир продолжал играть свою роль: она улыбалась, кивала, поднимала бокал, опускала взгляд, задавала вежливые

вопросы.

Внутри – кто-то открыл старую дверь.

Ту самую, за которой до этого хранились: запах манго, жар от крыш, голос, читающий Есенина с смешным акцентом, пепел на лбу, надпись на ржавой двери.

«RAJ = ENEMY. A + D.»

Она сжала ладонь под столом, ногтями впиваясь в кожу. Боль помогала удержаться в настоящем.

– Ты в порядке? – снова шепнул Вираддж. – Хочешь выйти на минуту?

Она подняла на него глаза.

– Нет, – сказала она спокойно. – Я прекрасно.

Каждое слово – как маленькая, аккуратная ложь, которую здесь считали хорошим воспитанием.

Когда ужин закончился, все поднялись. Госпожа Сингх обняла её так, как обнимают человека, с которым уже подписали контракт.

– Я вижу, ты сильная, – прошептала она почти ласково. – Это хорошо. Но помни: иногда сила женщины в том, чтобы вовремя смолчать.

Мать стояла чуть в стороне, смотрела на них и почти незаметно сжимала платок. Отец обменивался завершающими фразами с Сингх – цифры, сроки, перспективы.

Вираддж наклонился к уху Дивьи:

– Завтра могу забрать тебя в офис. Покажу, где буду ра-

ботать после свадьбы.

– Ты уверен, что мне туда разрешат? – спросила она.

Он усмехнулся.

– Я уверен, что после свадьбы ты будешь делать то, что захочешь. В пределах разумного, конечно.

«В пределах, которые ты обозначишь», – подумала она, но вслух ничего не сказала.

Машины увезли гостей. Свет в парадной зоне приглушили. Охрана вернулась к обычному ритму.

Дом расслабился – но ненадолго. Как человек, который снял галстук, но не костюм.

Вечернее платье оказалось тяжелее, чем выглядело. Вернувшись в комнату, Дивья почувствовала, как больно плечам и шее. Она расстегнула застёжку, позволила ткани соскользнуть на пол. Ощущение было такое, будто она сбросила не платье, а чью-то руку со своей шеи.

Она сидела на краю кровати в простой хлопковой пижаме и смотрела на свои босые ноги. Ногти на пальцах ног были идеально покрашены – это сделали утром, «чтобы вечером всё было готово».

Иногда ей казалось, что её тело давно разложили по графику: время для ухода, время для макияжа, время для сидения прямо, время для улыбки.

Телефон снова коротко завибрировал. Она взяла его с неохотой.

Сообщение от неизвестного номера:

«Не уверен, тот ли это номер. Если да – привет. Не думал, что снова окажусь в этом доме. А.»

Мир на секунду сузился до четырёх строчек текста.

Она перечитала их несколько раз. Пальцы стали ледяными.

Номер незнакомый, но буква в конце – слишком узнаваемая. «А.»

Он узнал её номер? Или сохранил со старых времён, а потом как-то восстановил? Или спросил у кого-то из старых знакомых?

Она не знала.

Но знала другое: никто в этом доме не пишет ей так. Коротко. Просто. Без титулов, без «мисс», без «моя дочь», без «будущая невеста».

Просто: «привет».

Сердце стукнуло слишком сильно.

Она поставила телефон на тумбочку, встала, подошла к окну. Открыла его – чуть-чуть, ровно настежь, чтобы впустить шум улицы.

Издалека доносился гул города: мотоциклы, голоса, лай собак, чей-то смех. Жизнь снаружи была неряшливой, шумной, неправильной. И от этого – настоящей.

Она закрыла глаза.

«Не думал, что снова окажусь в этом доме.»

Мысль была резкой, как холодная вода.

Она вспомнила, как в детстве они сидели на крыше гара-

жа. Он говорил, что однажды вернётся «с другой стороны» – не как ребёнок гостей, а как человек, который знает этот город по-настоящему.

Тогда ей казалось, что это просто слова. Теперь – нет.

Она взяла телефон обратно.

Пальцы сами набрали ответ. Очень короткий:

«Это он. Ты... давно в Бангалоре?»

Она долго смотрела на текст, прежде чем нажать «отправить».

Секунда. Две. Пять.

Ответ пришёл быстро.

«Пару месяцев. Работаю. Сегодня узнал, чей это дом.

Сюрприз.»

Слово «сюрприз» заставило её улыбнуться – не той официальной улыбкой, которой она сегодня обслуживала вечер, а настоящей, кривой, живой.

Она представила, как он стоял на террасе, смотрел на роскошную гостиную и пытался совместить её с теми школьными обедами, с их грязным рынком, с его общежитием.

Этот дом не умел быть «просто домом» для тех, кто не родился внутри.

Она написала:

«Ты водитель?»

Пауза была чуть дольше.

«Иногда. Иногда курьер. Иногда тот, кого зовут, когда надо разгрести чужой бардак. Нормально. Мне нравится дви-

гаться.»

«Мне нравится двигаться.» Удар по её сегодняшнему дню, где каждый шаг был заранее расписан.

Она хотела написать: «Мне некуда двигаться». Но не написала.

Вместо этого:

«Тебя видели за столом. Мой отец говорил о “русском парне, который не задаёт лишних вопросов”.»

Ответ:

«Ок. Буду задавать только нужные :) Не буду писать, если это опасно. Просто... Рад, что ты есть. Думал, что всё это мне приснилось.»

Она смотрела на экран и думала: в этом доме никто никогда не говорит ей «рад, что ты есть».

Ей говорят: «гордимся тобой», «рассчитываем на тебя», «ожидаем правильного поведения».

Но не: «рад, что ты есть».

И от этого одна короткая строчка вдруг стала опаснее всех ультиматумов отца. Потому что напоминала: она – не только функция. Она – человек, который для кого-то просто есть.

Телефон тихо лег на ладонь. Плечи расслабились.

На секунду.

А потом вернулся дом – с его потолками, коридорами, камерами.

И мысль: если он здесь работает, система рано или поздно заметит, что между ними что-то есть. Система не любит

связей, которые она не планировала сама.

Она медленно легла на кровать, не включая верхний свет. Смотрела в потолок.

В голове перемешались: рука Вираджа на её пальцах, взгляд госпожи Сингх, голос отца, шёпот матери, и короткое «привет» от того, кто помнил её не как «лицо семьи», а как девочку в форму, которая ела манго руками.

Она впервые за день позволила себе одну роскошь.

Закрыла глаза – не чтобы уснуть, а чтобы представить.

Не свадьбу. Не помолвку. Не фотосессию для журнала.

А то, как выглядит мир, в котором она решает сама.

Ей ещё не хватало смелости назвать это «побегом».

Но где-то внутри уже появилось слово, которое она боялась произносить вслух:

«Выход.»

Она ещё долго лежала в темноте. Иногда телефон тихо вибрировал – короткие сообщения от А., которые она не успевала читать, потому что ловила себя на странном ощущении:

впервые за много лет ей не было страшно думать о будущем.

Не спокойно – нет. Но и не страшно.

Страх – это когда тебя загоняют в угол. А сейчас она вдруг почувствовала: угол – не тупиковый, если в стене есть хоть одна трещина.

Дом стихал. Шаги слуг исчезали. Садовые лампы погру-

жали двор в мягкое золотое сияние. Где-то вдали ещё слышались машины – город продолжал жить своей жизнью, в которой она не участвовала.

Она подошла к окну. Села на подоконник, поджав ноги, опустив голову к стеклу.

В детстве она сидела так же – на крыше гаража. Теперь – окно. Тот же жест, другое место.

Телефон снова загорелся.

Сообщение от А.:

«Если ты когда-нибудь выберешься отсюда – просто скажи. Я умею находить выходы.»

Она не ответила. Пальцы зависли над экраном, но так ничего и не написали. Она боялась не последствий. Она боялась – что ответит слишком честно.

На следующее утро её разбудил стук. Не сильный, но настойчивый.

Она резко села. В комнате было ещё полутемно.

– Дивья? – голос матери. – Ты не спишь?

Она открыла дверь. Мать стояла в ночной рубашке, волосы собраны небрежно, под глазами – тени, которых не скрывал даже мягкий утренний свет.

– Что-то случилось? – спросила Дивья.

Мать прошла в комнату, закрыла дверь.

– Я слышала... – она замялась. – Я слышала, что вчера кто-то был в доме. Кого-то приводили из работников.

Дивья почувствовала, как внутри сжалось всё. Обычно

мать была осторожна. Она не задавала вопросов, не искала причин. Она соглашалась.

Но сейчас – говорила.

– Это был водитель, – сказала Дивья максимально спокойно. – Просто доставили документы.

Мать посмотрела на неё долго, слишком долго.

– Нет, – сказала она тихо. – Не просто.

Она сделала шаг ближе.

– Я видела, как ты выглядела за столом. Ты не слушала разговор. Ты смотрела туда, где никого не было видно.

Дивья отвернулась.

– Ты ошиблась.

Мать покачала головой.

– Я знаю этот взгляд. Так смотрела я, когда впервые увидела твоего отца. И так – когда поняла, что ошиблась.

Дивья подняла глаза.

Взгляд матери был болезненно ясным.

– Скажи мне одно, – прошептала она. – Этот человек... он опасен для тебя?

Дивья медленно вдохнула.

И впервые в жизни сказала матери почти правду:

– Опасен – если останется рядом.

Мать закрыла глаза, будто это подтверждало худшее.

– Тогда держись от него подальше. Здесь всё записывается. Всё проверяется. Ты знаешь, что может случиться.

Да, знала.

Знала на примере брата. Знала на примере самой себя.
Но теперь – иначе.

Тогда угрозу несла пустота. Теперь – пустоту начал вытеснять кто-то живой.

– Мам, – тихо сказала она. – Поздно.

Мать открыла глаза. В них было отчаяние.

– Ты ещё можешь выбрать безопасный путь.

Дивья покачала головой.

– Безопасный путь – это не жизнь.

Эти слова ударили в мать. Она шагнула назад и села на край кровати.

– Ты не понимаешь, – прошептала она. – Система не терпит нарушений. Не терпит лишних связей. Ты будущая Радж-Сингх. Любая тень, любой слух – может быть использован против тебя. Против нас. Против твоего брата... – она замолчала. – Против его памяти.

Дивья села рядом.

– Мама. Я просто поговорила с человеком. Человеком, которого когда-то знала.

– «Когда-то» – это слишком опасное время, – ответила мать.

Они сидели в тишине долго.

Дом жил, шумел, дышал. Но внутри комнаты был другой воздух – густой, тяжёлый, почти чужой.

После того разговора весь день пошёл под откос.

Секретарь отца прислал список дел: примерка, фотосес-

сия для каталога фонда, встреча с мастером по украшениям, подготовка к ужину у Сингхов.

Дивья ходила по дому, как по стеклу – осторожно, будто каждая поверхность может треснуть.

Её телефон периодически вибрировал. Короткие сообщения. Иногда только одно слово. Иногда смайлик. Иногда – вопрос.

Она читала – и не отвечала. Не потому что не хотела.

А потому что каждое слово от него делало стены дома плотнее.

Но к вечеру – не выдержала.

«Ты сегодня был не на своём месте.»

Ответ пришёл мгновенно:

«Никогда не был. Но вчера понял – точно не там.»

Она улыбнулась.

И в этот момент – дверь в комнату открылась.

Без стука.

Как всегда.

Отец.

Он вошёл спокойно, без угрозы в голосе. Викрам Радж никогда не повышал голос. Ему это было не нужно.

– У нас разговор, – сказал он.

Этот тон всегда значил: у неё нет выбора.

– О чём? – спросила она, пряча телефон.

Он подошёл к её столу. Посмотрел на неё – внимательно, как смотрят на сотрудника, который допустил ошибку.

– Сегодня я узнал интересную вещь. Один из водителей узнал тебя. Сказал, что вы... знакомы.

Сердце Дивьи пропустило удар.

– Бангалор – маленький город, – ответила она спокойно.
– Ничего удивительного.

Отец медленно кивнул.

– Возможно. Но мне не нравится, когда прошлое пересекается с будущими стратегическими союзами.

«Стратегические союзы» – он так называл её брак.

– Он ничего не значит, – сказала она. – Просто человек из прошлого.

Отец шагнул ближе. Так близко, что тень от его лица упала на её плечо.

– В этом доме нет «просто людей». Есть те, кто укрепляет семью. И те, кто может её ослабить.

Она сжала зубы.

– Он не ослабляет.

– Всё, что вызывает у тебя эмоции, – ослабляет, – произнёс он. – Тебя готовят к важной роли. И я не позволю постороннему человеку вмешиваться в это.

Его голос был мягким. Но от этой мягкости становилось холодно.

– Ты хочешь сказать, что запретишь мне разговаривать с кем-то? – спросила она тихо.

– Я уже сказал. Я запрещаю тебе думать о нём.

Эти слова ей даже не нужно было переводить. «Запрещаю

думать» – в языке их семьи означало: если связь будет углубляться, он примет меры.

Те меры, которые когда-то приняли к Викасу.

Дивья села. Медленно, чтобы не показать, как подогнулись ноги.

– Ты поняла? – мягко спросил он.

– Да, – ответила она. – Поняла.

Он вышел. Дверь закрылась.

Щелчок был таким тихим – но таким окончательным.

Она сидела неподвижно несколько минут. Пальцы дрожали.

Потом взяла телефон. Набрала:

«Не пиши мне сегодня. Не приходи в этот дом. Просто... будь осторожен.»

Ответ пришёл снова быстро:

«Что случилось?»

Она долго смотрела на экран.

Потом написала:

«Мой отец узнал, что мы знакомы.»

Пауза.

«Понял. Тогда я исчезаю.»

Эти слова ударили сильнее всего.

Она пыталась представить, что он говорит это легко – но ощущала совсем другое. Он не исчезает ради себя. Он исчезает ради неё.

Последнее сообщение:

«Но если однажды решишь не молчать – я рядом.»

Она сидела тихо. И впервые за много лет – заплакала. Тихо, почти беззвучно. Слёзы падали на руки, на телефон, на колени.

Не от страха. Не от слабости. Оттого, что после долгих лет пустоты – кто-то сказал ей: «я рядом». И она поняла, как сильно этого не хватало.

На улице начался мелкий дождь. Тот самый, который был в ту ночь, когда они последний раз стояли под крышей гаража.

Она вышла на балкон. Протянула руку под холодные капли.

Дом позади неё был огромным, белым, неправильным. Как клетка, которой стараются придать форму дворца.

Она стояла там, позволив дождю намочить волосы. И думала:

«Это дом, который душит. Но если дом умеет душить, значит... его можно оставить.»

И впервые за всю главу – она почувствовала не страх. Не тоску. Не стыд.

А направление.

Очень слабое, как тёплая точка под рёбрами. Но оно было. И это был не побег. И не план. И не роман.

Это было начало.

Глава 3. Точка невозврата

Часть 1. Начало счета

Он проснулся от тишины.

Не от сигнала будильника, не от шума коридора, а от того, что стало слишком тихо внутри головы.

Некоторое время он лежал, не двигаясь, глядя в белый потолок. Тот был таким же чистым и пустым, как все потолки в его жизни за последние пятнадцать лет. Чистая поверхность, на которую ничто не проецируется. Ни лица, ни голосов, ни обещаний.

Он медленно повернул голову. Номер – такой же, как десятки других: кровать, стол, серые шторы, кондиционер с зеленой точкой в углу. Мягкий свет из щели между занавесками. За стеной кто-то включил воду, затем выключил. Всё.

Тишина, в которой можно было бы услышать собственную мысль, если бы было, что думать.

Он сел, опустил ноги на холодный пол. Движения – автоматические, отработанные. Руки сами нашли часы на тумбочке, телефон, привычным жестом проверили, не умер ли кто-нибудь за ночь – ни пропущенных, ни новых писем, только стандартные уведомления. Жизнь шла. Где-то.

Он встал, пошёл в душ. Вода стекала по коже, смывая остатки сна, в котором ничего не было. Раньше ему снились лица, голоса, другая крыша, другой город. Потом перестали. Память, как и всё остальное, поддаётся дрессировке: достаточно раз сорваться в ту сторону – и мозг сам закрывает этот маршрут.

Он закрыл воду, вытерся, надел рубашку и брюки, одинаково нейтральные, одинаково не привязанные ни к одному месту. Человек в белой рубашке всегда в теме, но никогда ни к чему не привязан. Он давно освоил этот дресс-код.

На дне чемодана лежал камень – серый, гладкий. Он достал его, перевёл из одной ладони в другую. Камень был чуть прохладнее воздуха.

Пятнадцать лет назад он поднял его на берегу озера и сказал в трубку: «Я привезу. Покажу тебе снег в камне».

Потом связь оборвалась. Камень остался.

Сейчас он был просто привычной тяжестью. Маленькая масса, к которой он привязался, потому что больше привязываться было не к чему. Он положил камень обратно, закрыл чемодан, взял ноутбук.

Внизу, в ресторанчике при отеле, пахло кофе, жареным хлебом и чем-то сладким. Он взял только кофе. Чёрный. Без сахара. Сел к окну. За стеклом Бангалор уже просыпался – гудел, шёл, сигналил, тащил тележки и портфели, открывал ставни.

Прямо напротив окна, через дорогу, виднелся кусок крыши какого-то старого дома. Корявый бетон, ржавые прутья, водосточная труба. И на секунду ему показалось, что он видит там две фигуры – мальчишескую и девчачью – сидящих, свесив ноги. Одна смеётся, другая делает вид, что нет.

Он моргнул – и крыша стала просто крышей. Без фигур. Без смеха.

Он допил кофе, поднялся, взял ноутбук. В восемь сорок пять ему надо было быть в Raj Tower. В девять – начать делать то, за что платили деньги: смотреть, куда течёт чужая кровь, замаскированная под цифры.

Raj Tower умела стирать расстояние. Внутри башни не было понятно – утро, день или ночь. Свет всегда был одинаковым. Входные рамки всегда пищали на одну и ту же ноту. Лифт всегда ехал одинаковое количество секунд.

Пропуск чиркнул по сканеру, турникет мягко щёлкнул. Никаких задержек. Внешне – обычный рабочий день. Но в воздухе было нечто ещё – ощущение, как в комнате, где недавно ссорились, а теперь молчат. Формально – всё в порядке. Но тишина слишком ровная.

Офис находился на двадцать седьмом. Открытое пространство, стеклянные перегородки, отдельная комната для «экспертов». Его посадили туда – ближе к окну, подальше от коридора. Место для стороннего наблюдателя.

Он включил ноутбук. Подключился к внутренней сети. Никаких блокировок, никаких предупреждений – доступ как доступ. Но сам интерфейс ощущался, как кожа, натянутая поверх чего-то чужого. Менюшки, каталоги, отчёты – всё было на своих местах. Слишком.

Артём открыл папку «Audit». Стандартный набор: журналы доступа, отчёты по инцидентам, финансовые сводки дочерних структур. Он начал с цифр. Цифры никогда не врут. Врут те, кто их расставляет.

Narayana Biotech стояла отдельным блоком. На презентациях её называли «научным сердцем» холдинга. На практике это была такая же компания, как сотни других: счета, контракты, закупки, расходы на персонал. Только в разделе «research logistics» цифры слегка ломали картину.

Он пролистал общий отчёт. Всё ровно, гладко. До тошноты. Ни одного выброса, ни одной проваленной оплаты, ни одной просрочки. Так не бывает. Нормальный живой бизнес всегда дёргается: тут задержали платёж, тут передвинули срок, тут перекрыли кассовый разрыв. Здесь – идеально.

Он откинулся на спинку кресла. Идеальная картинка – всегда либо ложь, либо витрина.

Он вернулся на уровень ниже. Открыл папку с «черновыми» выгрузками – файлы, которые должны были давно удалить, но не удалили из лени. Лени он верил больше, чем регламентам.

Нашёл файл с названием «NAR_INT_SHIP_OLD». Два

года назад. Три. Сравнил суммы поставок по линиям: оборудование, реактивы, расходники, «особые потребности закрытых клиник». Последняя строка интересовала больше всего.

Он нашёл строку «closed facility – shipment special» и прищурился. В старой версии отчёта на эту строку приходилась одна сумма. В новой, актуальной – чуть ниже. Буквально на несколько процентов. Но при масштабе холдинга это были не проценты, а чьи-то жизни, переложённые из одного столбца в другой.

Он построил простую сводку. Сравнил квартал к кварталу. Обычный бухгалтер посмотрел бы и сказал: «Оптимизация затрат, молодцы». Человек, который привык считать схемы, видел другое: перераспределение потоков. Часть «особых поставок» как будто ушла с баланса. Не исчезла – ушла в тень.

Он пролистал вниз. Нашёл примечание мелким шрифтом: «переведено в формат услуг сторонних провайдеров». Ни названий, ни ИНН, ни номеров договоров. В другом месте системы такие провайдеры должны были светиться, но он их не видел. Как будто клиникам стали поставлять воздух.

Он записал в блокнот:

«Особые поставки – закрытые клиники. Суммы ↓. Комментарий: сторонние провайдеры (без деталей). Проверить: контрагенты vs реальные поставки».

Блокнот был бумажный. Писать от руки он начал после

того, как один проект закончился визитом людей в строгих костюмах, которые очень вежливо попросили отдать ноутбук. Бумагу пока никто не забирал.

Он открыл другой файл – по платежам. На первых страницах всё шло через проверенные банки. На четвёртой всплыла строчка: «Somnath Holdings, Mauritius». Он уже видел это имя в других расследованиях. Схема всегда была похожа: деньги уходят в Маврикий, оттуда – в частный фонд, оттуда – назад в Индию, но уже как «инвестиции». Налоги сокращаются, происхождение размывается.

Somnath Holdings значилась как «консультационные услуги в сфере поставок». Сумма – комфортная даже по немецким меркам. Он пролистал дальше. Второй, третий, четвёртый платеж. Регулярность. Периодичность. Как будто они платили за подписку на чью-то тень.

Он откинулся на спинку кресла, посмотрел в окно. С высоты двадцать седьмого этажа город казался игрушечным. Маленькие коробки домов, полосы дорог, игрушечные машины.

Пятнадцать лет назад он смотрел на этот город с крыши пятиэтажки. Тогда всё было огромным. Башни казались небоскрёбами, автобусы – чудовищами. Сейчас всё уменьшилось. Или он вырос. Или просто перестал чувствовать.

Он вернулся к экрану. Выписал в блокнот «Somnath». Рядом – значок вопроса. Его работа была не в том, чтобы поставить точку. Его работа – нарисовать стрелочки. Точки по-

том ставили другие, с пистолетами.

В дверь кабинета постучали. Он оторвался, сказал:

– Да?

Внутри заглянул Рави – местный специалист по внутреннему аудиту. Худой, в очках, с неизменной папкой под мышкой. Тот самый человек, который в первый день сказал: «Вы из Германии? Тогда у вас всё по правилам. У нас – как получится».

– Coffee break? – спросил он, покосившись на ноутбук. – Если вы ещё верите в кофе.

– Верю, – сказал Артём. – В кофе – больше, чем в отчёты.

Кафетерий на двадцать шестом был витриной «открытости»: стеклянная стена, вид на город, круглые столики, автоматы с напитками. На каждом столике – надпись о здоровом питании и корпоративной культуре.

Рави купил себе сладкий чай с молоком, Артём – ещё один чёрный кофе. Сели у окна. Несколько минут молча смотрели вниз, как люди внизу выглядят муравьями, а машины – бусинками на нитке.

– Вы давно на них работаете? – спросил Артём, не отрывая взгляда от города.

– На Raj? – Рави пожал плечами. – Достаточно, чтобы потерять иллюзии, и недостаточно, чтобы накопить на выход.

– И как вам ваши отчёты?

– Как любая мифология, – сказал Рави, пряча улыбку в кружке. – Красиво написано, если не вчитываться. Вы, видно, вчитались.

Артём молчал.

– Я посмотрел ваши пометки в общей папке, – тихо продолжил Рави. – Вы заметили Somnath.

– Вы тоже, – заметил Артём.

– Я индеец, – усмехнулся тот. – Я замечаяю, когда кто-то платит моим же людям за то, что можно сделать бесплатно. Somnath – это не консультанты. Это люди, которые открывают двери, когда настоящий ключ не подходит. Понимаете?

– Люди, которые решают вопросы.

– Именно, – кивнул Рави. – Особенно вопросы с поставками в закрытые клиники, где не должно быть посторонних глаз.

Он помолчал, потом наклонился чуть ближе.

– Совет, мистер Петров, – сказал он уже почти шёпотом. – Если вы видите Somnath в отчётах – это не ваше дело. Просто отметьте, что «риски учтены». Наши акционеры любят это слово.

– Вы боитесь? – спросил Артём.

– Я боюсь за семью, – быстро ответил Рави, без пафоса. – За жену, за двоих детей и за родителей, которые живут в районе, где полиция приезжает только за взятками. Люди, которые стоят за Somnath, дружат не только с врачами. Они дружат с теми, кто умеет делать так, чтобы люди исчезали из

домов, а дела – из архивов.

Он отпил чай, посмотрел на поверхность, словно хотел прочитать там, можно ли говорить дальше.

– Вы слышали про Сингхов? – спросил он.

Фамилия прозвучала, как удар по нерву. Сингх. Вирадх Сингх. Жених.

– Слышал, – сказал Артём ровно. – В контексте совместного проекта.

– В контексте совместного проекта Raj с организованной преступностью, – поправил Рави тихо. – Официально – он молодой технопредприниматель. Неофициально – его люди держат половину портов, половину складов и половину полиции в некоторых районах. «Нараяна» – их золотой курительный. Слишком много денег, слишком много возможностей.

Он поднял глаза и посмотрел прямо на него.

– Будьте осторожны, мистер Петров, – сказал он. – Люди, которые возятся с лекарствами и с криминалом одновременно, очень плохо переносят лишних свидетелей.

– Но вы же тоже видите отчёты, – заметил Артём. – Почему вы ещё живы?

– Потому что я делаю вид, что не вижу, – спокойно ответил Рави. – И потому что я индеец. Местных убивать не всегда выгодно. А вот иностранный консультант... – он чуть развёл руками. – Уедет – не доедет. Потонет. Попадёт в аварию. Никто не удивится.

Он допил чай и тут же сменил тему, громче:

– Наши HR сегодня разослали уведомление о новом корпоративном тренинге, вы видели? «Этика и прозрачность». Будет смешно.

Артём кивнул. Сцена была сыграна. Реплики отработаны. Но между строк всё уже было сказано.

Клаус позвонил в четыре часа дня, когда он сидел над очередной таблицей с расходами на «инфраструктурные улучшения».

– Я? – сказал знакомый голос, сухой, как всегда, только на этот раз в нём были какие-то дополнительные оттенки – неуверенность, раздражение.

– Слушаю, – ответил Артём, снимая гарнитуру и переводя звонок на телефон.

– У тебя минутка? – спросил Клаус. – Хотя... скорее, у меня.

Фон был непривычно шумным. Где-то гудели голоса, звенели лифты, слышался звон посуды. В обычное время Клаус звонил из стерильного кабинета, где даже воздух звучал формально. Сейчас он был не дома.

– Говори, – сказал Артём.

– Я коротко, – сказал Клаус. – Контракт с Raj Group будет закрыт досрочно.

Артём посмотрел на экран ноутбука. На файле, который открывал десятый раз. На таблицах, которые уже начали

складываться в понятную ему схему.

– Почему? – спросил он.

– Я знаю, что у тебя есть своя версия, – сказал Клаус. – Оставь её себе. Официально – «изменение приоритетов клиента». Неофициально – они заплатили штраф по верхней планке, чтобы мы убрали тебя из башни.

– Меня? – уточнил Артём. – Или компанию?

– Разницы нет, – ответил Клаус. – У договора было лицо. Сейчас это лицо им мешает.

Он помолчал. Потом добавил:

– Билеты на завтра. Выезд. Ты молодец, справился, дал нам понимание картины. Дальше здесь работать не надо.

– Ты уже видел отчёты? – спросил Артём.

– Видел достаточно, – сказал Клаус. – Достаточно, чтобы понять, что мы не хотим воевать с людьми, у которых друзья в правительстве и в порту. Мы – консалтинг, не прокуратура. Об этом было в контракте мелким шрифтом, если ты помнишь.

– Я не видел мелкий шрифт про бандитов, – сухо заметил Артём.

– Тогда считай, что увидел его сейчас, – сказал Клаус. – И, Артём... – он впервые за разговор назвал его по имени, а не «уоу» – уезжай. Не геройствуй. Я не плачу тебе за то, чтобы ты чувствовал ответственность за индийскую медицину.

– А за совесть? – спросил он.

– За совесть тебе платили тогда, когда ты был ребёнком и

верил, что мир делится на хороших и плохих, – сказал Клаус. – Мы платим за часы. Не смешивай товары.

Связь чуть потрескивала. Где-то на фоне кто-то сказал по-немецки: «Они согласились. Нужно подписать».

– Raj Group купили не только нашу тишину, – сказал Клаус уже тише. – Они купили твоё отсутствие. Не подводи клиентов, Артём. Улетай.

– Ты боишься за меня? – спросил он.

– Я боюсь за компанию, – честно ответил Клаус. – За тебя... – пауза, как срезом, – я бы боялся, если бы ты был моим сыном. Но ты – подрядчик.

Линия щёлкнула. Разговор закончился.

Артём какое-то время держал телефон у уха, хотя там уже было пусто. Потом положил его рядом с ноутбуком, медленно провёл рукой по строчкам таблицы. Цифры не изменились. Изменился только статус того, кто на них смотрел.

Не аудитор. Свидетель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.